

Игорь Мощицкий

МОЙ БЕДНЫЙ БЕНДЖИ

**История семьи
в двух действиях**

по роману Уильяма Фолкнера «Шум и ярость»

Санкт-Петербург

2015 г.

Действующие лица:

Отец

Мать

Их дети:

Квентин (старший сын)

Кэдди

Джейсон

Бенджи (младший сын)

Квентина (внучка)

Долтон Эймс

Герберт

Артист

Негритянский пастор

Дилси

Ластер

Соседи, школьницы, прихожане

Жизнь — это история, рассказанная кретином, полная шума и ярости, но ничего не значащая.

Шекспир. Макбет. Акт пятый, картина первая

Сад перед домом Компсонов. В саду Ластер и Бенджи.

Бенджи (мычит). У-у-у-у-у-у!

Ластер. Замолчи, Бенджи. А то мэмми не устроит тебе именин. А я знаешь, что сделаю? Съем весь твой торт. И свечи съем. Все тридцать три свечи.

Бенджи плачет.

Ластер. Рёва. И не стыдно тебе. Все утро воешь. Размычался, расслабился. С того, что сегодня твой день рождения воешь? Да? Не надо. Тебе сегодня тридцать три исполнилось. Ровно тридцать лет и три года. Хотя правильней сказать, ровно тридцать лет, как тебе три года.

Бенджи плачет сильнее.

Ластер. Да замолчи ты, придурок старый. Хочешь, чтоб выпорол?

Бенджи (гневно). У-у-у-у-у! (Но плакать перестает.)

Ластер. Ох ты, идиотина. (Срывает цветок.) На вот тебе дурман. А теперь иди сюда. Помоги искать монету, а то как я на артистов пойду вечером. Она из кармана выпала, вот в эту дырку. Когда мы ходили тут утром, монета была. Я еще показывал тебе. Помнишь?

Бенджи. У-у-у-у-у. (Кивает.)

Ластер. Вот, вот. Мы стояли здесь, я вынул из кармана и показываю. Стой. Опять ты за этот гвоздь зацепился. Никак не можешь, чтоб не зацепиться. (Отцепляет Бенджи от забора.) Так. А теперь помогай мне искать. Хотя тебе что монета, что камешек. А все равно помогай.

Бенджи плачет.

Ластер. Ну а теперь, чего голосишь? Кончай. Вот мне так есть с чего реветь, я могу на артистов не попасть, а тебе не с чего. На! Зачем роняешь свою травку. Сейчас еще о ней завоешь. Стой, куда попёрся?

Бенджи находит бутылку. Засовывает в бутылку свой цветок.

Ластер. Эх ты, взрослый дылда. С травками в бутылочке играешься. Вот помрёт мисс Калайн — знаешь, куда тебя денут? Мистер Джейсон сказал, отвезут тебя куда положено, в Джексон. Сиди себе там с другими психами, держись хоть весь день за решетки и слюни пускай. Весело тебе будет. (Бьёт по цветам. Они падают.) Вот так тебя в Джексоне, попробуешь только завить там.

Бенджи поднимает цветы и плачет.

Ластер. Давай, реви! Беда только, что нет причины. Ладно, сейчас тебе будет причина. (Шёпотом.) Кэдди! Ну реви же. (Громче.) Кэдди!» (Еще громче.) Кэдди!!!

Бенджи рыдает.

Давай, давай. Все равно ее здесь больше никогда не будет. Остались только воспоминания.

Бенджи перестает плакать. Взгляд его устремляется вдаль. Он вспоминает.

Затемнение.

Тот же сад перед домом Компсонов. Бенджи стоит у калитки. Он в коротких штанишках. Вбегает Кэдди.

Кэдди. Здравствуй, Бенджи. Ты встречать меня вышел, да? Встречать Кэдди? Ну что же, что? Что ты хочешь Кэдди рассказать?

Бенджи (ласково). У-у-у-у-у-у.

Кэдди. Ты думал, я приду и сразу будет праздник? Думал, да? А праздник послезавтра. С подарками, Бенджи, с подарками. Дай я тебя застегну. Еще простудишься. Бенджи умный, он не хочет простудиться перед праздником.

Раздается свист, и в дальнем участке сада появляется Долтон Эймс.

Кэдди. Успокойся, Бенджи. Это Долтон. Можно я немножко посижу в гамаке, поговорю с Долтоном?

Бенджи. У-у-у-у-у-у- (Тянет Кэдди за платье.)

Долтон. А где ниггер, что смотрит за ним?

Кэдди. Не знаю. Уходи, Долтон. Ты ему не нравишься.

Долтон. Ниггера позови. (Обнимает Кэдди.)

Кэдди. Ты с ума сошел.

Долтон. Он все равно немой.

Кэдди. Немой, но не слепой. Пусти. Прошу тебя, прошу.

Долтон. Прогони его.

Кэдди. Ладно. Только пусти.

Долтон. А прогонишь?

Кэдди. Да. Пусти.

Бенджи плачет. Долтон отходит от Кэдди.

Кэдди. (Берет Бенджи за руку.) Придется отвести его домой.

Долтон. Не уходи. Позови ниггера.

Кэдди. Нет. Я вернусь через час.

Долтон. Обещаешь?

Кэдди. Да. (Берет Бенджи за руку и ведет к дому.)

Долтон уходит, но Бенджи не может успокоиться.

Кэдди. Тихо, Бенджи. Я больше не буду. Никогда не будут больше. Не надо плакать. Что же ты уходишь от Кэдди? Чем Кэдди провинилась? Из-за чего ты, Бенджи? Из-за этой шляпки? Вот я сниму ее, раз тебе не нравится. (Снимает шляпку, достает из сумочки бутылочку с духами.) Смотри, что у меня есть. Как пахнет! Понюхай, Бенджи. Хорошо как.

Бенджи обнюхивает бутылочку, потом Кэдди и плачет сильнее.

Вот оно, что. Тебе не нравится. Вот ты из-за чего. И хотел ведь сказать мне и не мог. Хотел и не мог. Конечно же, Кэдди не будет духами душиться. Конечно, не будет. Пойдем, Бенджи. (Тянет его к дому.)

Бенджи и Кэдди ходят к веранде.

Кэдди (зовет). Дилси! Дилси!

Выходит Дилси.

Кэдди. Дилси, Бенджи тебе делает подарок. (Вкладывает бутылочку с духами в руки Бенджи. Тот отдает ее Дилси.)

Дилси. Нет, ты подумай! Дитяtko мое мне духи дарит.

Кэдди. Бери, бери, Дилси. Мы с Бенджи не любим духов.

Дилси. Так, так. Теперь, верно, мой черед расплакаться. Надо же и мне похлопать над бедным Мори.

Кэдди. Его Бенджи теперь зовут.

Дилси. А зачем? Что, старое, родимое имя его сносилось уже, не годится?

Кэдди. Бенджамин — это из Библии. Оно ему лучше подходит, чем Мори.

Дилси. А чем оно лучше?

Кэдди. Мама сказала, что лучше.

Дилси. Придумали тоже. Новое имя ему не поможет. А старое не навредит. Имена менять — счастья не будет. Дилси я родилась, и так оно и останется Дилси, когда меня давно уж позабудут все.

Кэдди. Как же оно останется, когда тебя позабудут, а, Дилси?

Дилси. Оно, голубка, в книге останется. Там записано.

Кэдди. А ты же не умеешь читать.

Дилси. Мне читать не надо будет. За меня прочтут. Мне — только отозваться: «Здесь я».

Освещается веранда. Там мать и Джейсон в коротких штанишках

Мать. Кэндейси! Веди его сюда.

Кэдди тянет Бенджи. Тот упирается.

Только не слишком напрягайся. Еще позвоночник себе повредишь. Женщины в нашем роду всегда гордились своей осанкой. Хочешь сутулой быть, как прачка?

Кэдди. Мне не трудно.

Мать. Все равно не смей.

Кэдди удается затащить Бенджи на веранду. Тот хнычет.

Кэдди. Тссс, Бенджи. Погляди-ка. Вот подушечка твоя на кресле. Видишь? Вот и хорошо. Вот и успокоился.

Бенджи играет с подушкой.

Мать. Вы ему чересчур потакаете. Ты и отец твой. Вы не хотите сознавать, что последствия могут всей тяжестью лечь на меня. А для Бенджамена у меня уже нет сил.

Кэдди. Да вы не бойтесь. Я люблю с ним нянчиться. Правда, Бенджи?

Мать. Кэндейси! Я ведь запретила тебе коверкать его имя! С меня достаточно того, что отец упорно называет тебя этой твоей глупой кличкой, а Бенджамена не позволю. Уменьшительные имена вульгарны. Они в ходу лишь у простонародья. Бенджамен! На меня смотри. А ты, Кэндейси, убери эту подушку.

Кэдди. Он плакать будет.

Мать. Я сказала, убери подушку. Его надо научить слушаться.

Кэдди забирает у Бенджи подушку. Тот плачет.

Кэдди. Тс-с, Бенджи.

Мать. Отойди от него, сядь вон там.

Бенджи плачет. Кэдди отдает ему подушку. Бенджи перестает плакать.

Мать. Нет, это невозможно. (Отворачивается от Бенджи.)

Входит отец.

Отец. Ну как, Бенджи? Хорошим был мальчиком?

Бенджи (радостно). У-у-у-у-у-у.

Кэдди. Очень хорошим. (Гладит Бенджи по голове.)

Мать. Который час?

Отец. Без десяти семь.

Мать. Его еще рано укладывать. Опять он проснется чуть свет и повторится, как сегодня. Это меня доконает.

Отец. Полно тебе.

Мать. Я знаю, что я только в тягость тебе. Но скоро меня не станет, и ты вздохнешь свободно.

Отец. Ну перестань. Я посижу с ним. (Бенджи.) Подвинься, старина, посидим рядом. Только не шуметь: Квентин готовит уроки. А ты чем здесь занят, Джейсон?

Кэдди (с ужасом). Он же все Бенджины куклы изрезал. Все, что мы с Бенджи из бумаги понаделали. Он это назло. Я его самого сейчас изрежу.

Отец. Кэндейси! Оставь ножницы.

Кэдди. Вот увидите. Вот увидите.

Джейсон. Я не назло. Я не знал, что это его куклы. Я думал, просто старые бумажки.

Кэдди. Еще как знал Ты назло, назло.

Бросается на Джейсона. Тот ее отталкивает.

Джейсон. Думаешь, ты лучше всех, да? Расфуфырилась, надушилась.

Кэдди. Ты, гаденький, прикуси себе язык.

Джейсон. Большая цаца, думаешь? А хочешь, я назову его имя? Для кого ты расфуфырилась.

Кэдди снова бросается на Джейсона.

Мать. Прекрати, Кэндейси.

Кэдди (лупит Джейсона). Вот тебе. Вот тебе.

Отец (разнимает их). Нельзя драться. Вы не хотите, чтобы мама заболела.

Джейсон. Я все-таки назову его имя.

Отец. Хватит, Джейсон. Иди к себе в комнату. Я что сказал!

Джейсон нехотя выходит. Бенджи плачет.

Кэдди. Не плачь, Бенджи. Я тебе другие куклы завтра сделаю. Папа, можно Бенджи еще погуляет?

Мать. Не ходите оба никуда. Дилси говорит, что на дворе становится еще прохладней.

Отец. Пустяки. Надо же ей подышать свежим воздухом. Беги, гуляй, Кэндейси.

Кэдди. Пусть и он со мной. Ну, пожалуйста. Иначе он ведь плакать будет.

Мать. А зачем было при нем упоминать о гулянье? Чтобы дать ему повод опять терзать меня? Ты сегодня достаточно была на воздухе.

Отец. Пусть погуляет, Кэрлайн. Свежий воздух им не повредит. Не забывай, что тебе надо беречь силы.

Мать. Я знаю. Никому не понять, как страшат меня праздники. Никому. Эти хлопоты мне не по силам. Как бы я хотела быть крепче здоровьем — ради тебя и ради детей.

Отец. Ступайте-ка, ребятки. Только ненадолго, чтобы мама не волновалась.

Кэдди. Да, папа. Идем, Бенджи. Гулять идем. (Одевает Бенджи.)

Мать. Значит, ты ведешь Бенджамина во двор без ботишков. Ты хочешь его простудить.

Кэдди. Я забыла, я думала, он в ботах. (Одевает Бенджи боты.) Теперь топни.

Бенджи топает.

Мать. Надо думать, что делаешь. Вот не будет меня, тогда придется тебе о нем заботиться. Подойди, поцелуй маму, Бенджамин.

Кэдди подводит Бенджи к матери.

Кэндейси, не смей его тискать. За руку взять и к креслу подвести — на это у тебя уже не хватает воображения. Бедный мой ребенок. (Целует Бенджи.) Ладно, идите.

Кэдди и Бенджи выходят в сад.

Кэдди. Никакой ты не бедный. Правда, не бедный. У тебя есть Кэдди. У тебя — твоя Кэдди.

Кэдди и Бенджи уходят. Вслед за ними убегает Джейсон.

Мать. За что покарал меня бог такими детьми? Бенджамин уже достаточное наказание, а теперь она еще родную мать позорит.

Отец. Не надо, Кэролайн. (Наливает себе в рюмку из графинчика.)

Мать. Я столько из-за нее претерпела. Мечтала, планы строила, шла на жертвы, прозябала в юдоли скорбей, а она со дня рождения ни разу не подумала обо мне любяще. Я смотрю на нее иной раз и дивлюсь: моя ли это дочь.

Отец. Перестань расстраиваться. Сляжешь еще.

Мать. Как ты можешь меня успокаивать, когда твоя родная дочь, моя малютка, пала настолько низко.

Отец. Ты все преувеличиваешь.

Мать. О, нет. Пусть я низкородна, происхожу всего лишь их рода Бэскомов, но девочкой меня учили, что женщины бывают порядочные или непорядочные, и среднего здесь быть не может. Когда я ее маленькую на руки брала, лелеяла, могла ли я подумать, что моя дочь так падет. Я по ее глазам ведь все вижу. Ты думаешь, она тебе расскажет? Нет, она скрытная. Ты ее не знаешь. А я знаю про нее такие вещи... Я умерла бы со стыда скорее, чем открыла бы их тебе.

Отец (опрокинув рюмку). Однако.

Мать. Скажи, ты хоть раз видел его?

Отец. Нет.

Мать. Так дай хоть мне возможность узнать, кто он. Я не для себя. Мне претит и взглянуть на него. Я ведь для вас. Чтобы вас оградить.

Отец (резко). Я не позволю ни тебе, ни Квентину, ни Джейсону шпионить за моей дочерью, в чем бы она по-твоему ни была повинна.

Мать. Значит, ты все-таки признаешь, что для слежки есть причина?

Отец. Как бы там ни было, я не позволю устраивать за моей дочерью слежку.

Мать. Мы, выходит, должны сидеть сложа руки и смотреть, как она не только марает твое имя, но и заражает самый воздух, которым дышат твои дети. Тогда позволь мне уехать.

Отец. Куда?

Мать. Пока не знаю. Но я должна. Оставлю тебе всех, возьму одного Джейсона и уеду куда-нибудь, где нас не знают, где он вырастет и забудет все это.

Отец. Ерунда. При чем тут Джейсон?

Мать. Джейсон один не причинил мне ни малейшей горести с того дня, когда я впервые взяла его на руки. И я сразу поняла, что он будет моей радостью и избавлением. Только он один. В чем же ты так грешен? За какие грехи твоих высокородных предков карает меня бог? Но Компсонам ты всегда находишь оправдание. Один Джейсон у тебя плохой, потому что в нем больше от нас, Бэскомов.

Отец. Перестань, Кэролайн.

Мать. Я знаю, ты его не любишь. Рад верить про него плохому. Что ж, продолжай бранить Джейсона и упрекать меня, что наущаю его следить за ней, как будто это преступление, в то время как твоя родная дочь...

Отец. Кэролайн!

Мать. Да, да. Насмехайся над ним. Больше, чем дети, ты все равно уже не сможешь мне сделать. Скоро я умру, и некому станет любить Джейсона и ограждать от заразы. Я и так каждый день боюсь, а вдруг, и в нем проявится, наконец, эта компсоновская кровь. Ведь на глазах у него сестра бежит к своему, как их там называют. Нет, позволь мне уехать, я не могу больше выдержать. Отдай мне Джейсона и оставь себе их всех. Джейсон, моя плоть и кровь, а они чужие, не мои совсем. Я боюсь их.

Отец. Что ж, съезди на время во Френч Лик, когда станешь лучше себя чувствовать. Только возьми с собой не Джейсона, а Кэдди.

Мать. И оставить Джейсона на тебя и черномазых?

Отец. Да. Там она о нем забудет, да и болтать перестанут.

Мать. Ты так думаешь?

Отец. Я уверен.

Мать (мечтательно). Возможно, я ей мужа там нашла бы.

Отец. Не исключено.

Мать (после раздумья). Нет. Возьму Джейсона, уеду и на коленях буду молить бога: да простятся мне мои грехи, да смягчится божье наказание за то, что я, поправ свою девичью гордость, вышла за человека, считавшего меня себе не ровней, да минует Джейсона это проклятие и да позволит господь нам забыть, что вы и были-то на свете.

Отец. Тебе надо отдохнуть.

Мать. Да, да. Хотя это невозможно. (Уходит.)

Отец снова наливает рюмку. Входит Квентин.

Квентин. Я слышал голос мамы.

Отец. Она ушла к себе.

Квентин. А. (Хочет уйти.)

Отец. погоди, Квентин. Скажи, тебе что, поручили шпионить за сестрой?

Квентин. Как вы могли подумать. Я никогда бы. Никогда бы...

Отец. Верю, что ты никогда бы. Я не хотел в таком резком тоне. Но тебе предлагали?

Квентин. Да. Но как мама могла подумать, что я способен. Что соглашусь...

Отец. Мама не хотела тебя оскорбить. Поступила по-женски — и только. Она ведь любит Кэдди. Но так уж устроены женщины. Им не свойственно, как нам, вникать в характеры людей. От рождения в мозгу у них посев готовых подозрений то и дело плодоносящих.

Квентин. Нет, у мамы не подозрения. В маминых мыслях Кэдди уже виновата. Конечно. Конечно.

Отец. Ты путаешь грех с неприличием. Женщины этих вещей не путают. Твою мать заботят приличия. А грех ли, нет — о том она не задумывалась.

Квентин. Ты потому так ироничен, что из Компсонов один был губернатором и трое генералами, а у мамы в роду ни тех, ни других?

Отец. Всякий живой человек лучше всякого мертвого, но нет таких среди живых ли, мертвых, чтобы очень были лучше других мертвых и живых. Иди, делай уроки, Квентин. Тебе скоро поступать в Гарвардский.

Квентин. Разве появились деньги на мое обучение?

Отец. Да. Мы продали Бенджин луг.

Квентин (потрясен). Бенджин луг? Но он так его любит.

Отец. Что делать. Ты выучишься и выкупишь луг обратно. Иди, делай уроки. И не отвлекайся ни на что.

Лесок неподалеку от дома Компсонов. В гамаке, натянутом между деревьями, жарко обнимаются Кэдди и Долтон. Появляется Квентин с книжкой в руках.

Квентин. Non fui. Sum fui. Non sum. Меня не было. Я есмь. Я был. Меня нет. Non fui. Sum (Замечает Кэдди). Кэдди? Кэдди!

Кэдди и Долтон отскакивают друг от друга.

Кэдди (смущенно). Долтон. Познакомься. Это мой брат Квентин.

Долтон. Рад познакомиться. (Протягивает руку.) Долтон.

Квентин (Пряча свою руку за спину). Я ищу вас уже два или три дня.

Долтон. Что разговор есть?

Квентин. И безотлагательный.

Долтон. Может поговорим в другом месте. Например, у меня в номере. Я остановился в гостинице.

Квентин. Нет. Поговорим сейчас. А ты возвращайся домой. Тебе незачем здесь.

Кэдди. Что ты затеял?

Квентин. Ничего. Там Бенджи плачет. Его успокоить не могут. Иди домой.

Кэдди. У тебя на уме что-то. Что ты затеял?

Квентин. Не твое дело. Шлюха. Шлюха! Иди домой к Бенджи. Он плачет и плачет.

Кэдди. Хорошо. Я уложу Бенджи спать и вернусь. Подожди меня здесь, Долтон.

Долтон. Ладно.

Кэдди убегает.

Долтон Ну.

Квентин. Я искал вас, чтобы сказать: уезжайте из города. Слышите? Сегодня же.

Долтон. Это отец послал тебя?

Квентин. Я не слова отца передаю вам или чьи-либо. Это я от себя велю вам убираться.

Долтон. Слушай, горячиться успеешь. Я хочу знать: ничего с ней не случилось? У нее вышли дома неприятности. Да?

Квентин. Уж это не ваша забота. Даю вам сроку до заката.

Долтон. А если не уеду, что ты сделаешь?

Квентин. Убью вас. Пусть я кажусь вам мальчишкой.

Долтон. А сколько тебе лет?

Квентин. Неважно. Даю вам до вечера сроку.

Долтон. Слушай, приятель, забыл твое имя... Бенджи — это дурачка вашего. А тебя?

Квентин. Квентин. Даю вам сроку до заката.

Долтон. Слушай. Ты зря, мальчик, так к сердцу принимаешь. Ты же за нее не ответчик. Ну не я, так другой бы.

Квентин. А у вас была когда-нибудь сестра? Была?

Долтон. Нет, но все они сучки.

Квентин. Ах вы... (Бросается на Долтона. Тот хватается его за руки и встряхивает.)

Долтон. Ты хотел дать мне пощечину.

Квентин. Пустите мои руки.

Долтон отпускает Квентина и достает револьвер.

Долтон. Гляди сюда. Попадешь в эту корягу отсюда?

Квентин. Нет.

Долтон (трижды выстрелив). Хватит, пожалуй. (Дует в барабан.) На! Бери револьвер.

Квентин. Зачем? Я не собираюсь состязаться.

Долтон. Судя по твоим словам, он тебе понадобится. Бери, ты видел — бой отменный.

Квентин. Убирайтесь к черту с вашим револьвером. Я и без револьвера. (Снова бросается на Долтона. Тот бьет его в лицо.)

Квентин падает.

Квентин. Что со мной... Вы меня ударили?

Долтон. Прошло уже?

Квентин. Прошло. Пустите.

Долтон. Как ты себя чувствуешь?

Квентин. Хорошо. Отстаньте.

Долтон. Домой дойти сам сможешь?

Квентин. Уйдите. Отстаньте.

Долтон. А ты садись на мою лошадь.

Квентин. Не хочу, отойдите.

Долтон. А после зацепишь поводья за седло и пустишь — сама вернутся в конюшню.

Квентин. Отстаньте, уйдите, оставьте в покое меня.

Долтон. Как заешь. (Хочет уйти.)

Вбегает Кэди и склоняется над Квентином.

Кэди (Долтону). Что ты с ним сделал?

Долтон. Ничего.

Кэди. Негодяй! Больше и заговаривать со мной не смей!

Долтон. Не горячись, девочка. (Уходит.)

Кэди. Квентин, ты ранен?

Квентин. Нет. (Встает.)

Кэди. Я знала, он не тронет. А я-то ему сейчас сказала. Испугалась за тебя, когда услышала выстрелы. А я-то... (Хочет бежать, Квентин ее удерживает.) Пусти руки.

Квентин. Не пушу. Я сильнее тебя. И не пробуй.

Кэди. Пусти. Я же должна догнать его и извиниться. Пусти. Ну что ж... Я и после могу. Он и после поверит всегда.

Квентин. Кэди.

Кэди. Он мне всегда поверит.

Квентин. Неужели ты любишь его? Почему не приводишь домой его, Кэдди? Для чего подражать негритянкам — валяться в траве, в канаве, в лесу, в темном лесу?

Кэдди. Он в армии служил и людей убивал. Он плавал по всем океанам кругом всего на свете.

Квентин. Ты любишь его?

Кэдди. Нет, не люблю.

Квентин. Тогда он силой, значит. Он принудил, он же сильнее тебя и он... Завтра же убью его, клянусь. А до того отцу и знать не надо. А после мы с тобой уедем, никто и не узнает никогда. На те деньги, что мне за учебу платить. Я не поеду в университет. Кэдди, он тебе мерзок, правда, правда? Ты его ненавидишь, правда?

Кэдди. Я бы умерла для него.

Квентин. Что?

Кэдди. Я уже для него умирала. Я каждый раз мертвею, когда он... Бедный Квентин. Ты ведь ни разу еще...

Квентин. Что ни разу?

Кэдди. То, что у меня с ним.

Квентин. Тыщу раз с тыщей девчонок. (Плачет.)

Кэдди. Не надо, Квентин. Такая уж я. Не плачь. Я скверная, и ничего ты тут не сделаешь.

Квентин. Лучше бы ты умерла.

Кэдди. Ну тебя.

Квентин. Да, да. Я убью тебя, слышишь ты? (Достает ножик.) Одна секунда, всего секунда, и конец. А потом и себя тоже, потом и себя.

Кэдди. Хорошо. А ты сам себя сможешь?

Квентин. Смогу. Лезвие длинное. Бенджи спит уже?

Кэдди. Да.

Квентин. Одна секунда и все. Я постараюсь, чтобы не больно.

Кэдди. Хорошо.

Квентин. Закрой же глаза.

Кэдди. Нет, с открытыми. Только надо сильнее нажать.

Квентин. А ты хочешь?

Кэдди. Да. Сильнее коли.

Квентин. Возьми своей рукой.

Кэдди. Не плачь. Бедный Квентин.

Квентин роняет нож.

Где же нож?

Квентин. Я его уронил. Сейчас найду. Он здесь где-то. В траве.

Кэдди. Брось искать. Завтра найдется (Хочет уйти.)

Квентин. Вот он. Лежал тут все время под носом.

Кэдди. Вот как? Но я ухожу.

Квентин. Смешно как бывает. Уронил в траву рядом, а после ищешь, ищешь... Чёртова жимолость, распахлась как.

Кэдди. Ты раньше любил этот запах. Ну все, хватит, Квентин. Дай пройти.

Квентин. Нет. (Прячет нож.)

Кэдди. Пусти.

Квентин. Нет. (Хватает Кэдди за руку.) Я сильнее тебя.

Кэдди. Я не хочу с тобой драться. Пусти. Лучше пусти.

Квентин. Кэдди. Не надо туда, Кэдди.

Кэдди. Все равно не поможет. Сам знаешь, не поможет. Дай пройти. А ты возвращайся домой. Тебе незачем за мной ходить.

Квентин. Любишь его, Кэдди?

Кэдди. Люблю ли? Положи руку вот сюда. (Прикладывает руку Квентина к своему сердцу.) Теперь говори его имя.

Квентин. Долтон Эймс.

Кэдди. Повтори опять.

Квентин. Долтон Эймс.

Кэдди. Опять повтори.

Квентин. Долтон Эймс. Долтон Эймс. Долтон Эймс.

Появляется Бенджи. Он бросается к Кэдди.

Кэдди. Бенджи! Бенджи. (Гладит его по голове.) Как ты здесь оказался? Ты переживаешь за Кэдди? Переживаешь?

Бенджи. У-у-у-у.

Кэдди. Пойдем домой, Бенджи. Не плачь. Такая уж я скверная, и ничего ты тут не поделаешь.

Квентин. Это проклятье на нас. Мы не виноваты. Чем мы виноваты.

Гостиная в доме Компсонов. Отец сидит за столом с газетой. В углу Бенджи играет с куклами. На столе графинчик с виски. Отец наливает рюмку. Входит Квентин. Под глазом у него синяк.

Отец. А, Квентин. Ну-ка подойди ближе. (Рассматривает синяк. Бенджи тоже рассматривает синяк.) Поздравляю. И кто же победил?

Квентин. Никто. Нас разняли.

Отец. А кто он? Если не секрет.

Квентин. Все было по-честному. Он не ниже ростом.

Отец. Рад слышать. А из-за чего у вас, можно узнать?

Квентин. Да так. Он сказал, что положит мне лягушку в стол.

Отец. Вот как. И потом значит...

Квентин. Да, сэр. Потом я ему двинул.

Отец. А где бы он в октябре достал лягушку?

Квентин. Не знаю, сэр.

Бенджи разводит руками.

Отец. А может причина раздора Кэдди?

Квентин. Почему вы так решили? Вы что-то знаете?

Отец. Всё.

Квентин. И при этом спокойны?

Отец. Да. Все в порядке вещей.

Квентин (горячо). Нет, это невозможно. Невозможно!

Отец. Ты потому так, что ты девственник. Пойми, что женщинам вообще чужда девственность. Непорочность — состояние негативное и, следовательно, с природой вещей несовместное. Ты не на Кэдди, ты на природу в обиде. (Наполняет рюмку.)

Квентин. Одни слова все.

Отец. А девственность будто не слово? (Выпивает.)

Квентин. Вы не знаете, не можете знать.

Отец. Нет уж. С момента, как это осознано нами, трагедия теряет остроту. Девственность ведь выдумка мужская, а не женская. Это как смерть — перемена, ощутимая лишь для других.

Бенджи согласно кивает головой. Отец снова наполняет рюмку.

Квентин. Но неужели это ничего не значит?

Отец. И это, и все прочее. Тем-то и печален мир.

Квентин. И все-таки, пусть бы я вместо нее был недевственен.

Отец. В том-то и печаль, что даже и менять хлопот не стоит ничего на свете.

Квентин. Но домой она не привела его ни разу.

Отец. Не забывай, что и Кэдди женщина. И у нее свои причины, женские.

Квентин. Значит, в ваших глазах она не виновата?

Отец. Нет.

Квентин. Но в мыслях маминых она совершила ужасное. И это всех нас отравило.

Отец. В том-то и печаль тоже, что не могут люди совершить ничего ужасного, не способны на подлинный ужас, не способны даже в памяти хранить до завтра то, что сегодня нависает ужасом. (Выпивает.)

Квентин. Тогда уж лучше уйти от всего.

Отец. Куда же? Куда же, Квентин? Куда?

Бенджи в испуге обнимает Квентина.

Квентин. Возможно, я буду знать это через год.

Отец. Ты надеешься победить время, Квентин? (Наполняет рюмку.)

Квентин. Может быть.

Отец. Тогда возьми себе в комнату эти дедовы часы. (Ставит часы на стол.) Дарю тебе, Квентин, сию гробницу всех надежд и устремлений.

Квентин. Спасибо.

Отец. Не лишено мучительной вероятности, что ты будешь пользоваться этими часами, постигая общечеловеческий опыт *reducto absurdum* (сведенный к нелепости), что удовольствует твои собственные нужды столь же мало, как нужды твоих деда и прадеда. (Опрокидывает рюмку.) Дарю не с тем, чтобы ты блюл время, а чтобы хоть иногда забывал о нем на миг-другой и не тратил свой пыл, тщась подчинить его себе. Ибо победить не дано человеку. Даже и сразиться не дано. Дано лишь осознать на поле брани безрассудство свое и отчаянье, победа же — иллюзия философов и дураков.

Бенджи поднимает часы и смеется.

Та же гостиная. Квентин и Джейсон играют в шахматы. Входят мать и Герберт. Квентин и Джейсон встают.

Мать (Квентину и Джейсону). Знакомьтесь. Герберт будет вам старшим братом. Это мой сын, Квентин — студент Гарвардского университета.

Герберт. Я уже о Квентине слышан. Садитесь, Квентин.

Мать. А это мой сын, Джейсон.

Герберт. Говорят, во всех школьных мероприятиях ты был казначеем?

Джейсон. Это так.

Герберт. Превосходно. Как только закончишь школу, я возьму тебя на службу к себе в банк.

Джейсон. Благодарю, мистер Герберт.

Мать. Я вам так признательна, Герберт. Из Джейсона выйдет превосходный банкир. Он единственный из моих детей обладает здоровым практическим умом. А благодарить за это можете меня, он пошел в нас, Бэскомов. А остальные все они Компсоны.

Герберт. Не сомневайтесь, место для Джейсона уже подготовлено.

Звучит рожок авто.

Мать (в окно). Кэндейси, ты сама поведешь машину.

Кэдди (с улицы). Да.

Мать (Квентину). Это авто ее собственное. Можешь гордиться, у твоей сестрички у первой в городе авто. Подарок Герберта. Она каждое утро брала у Луиса уроки вождения. Разве ты не получил моего письма?

Квентин. Нет.

Мать. Жаль. Бедняги провинциалы, никогда не видели автомобиля. Целая толпа их. (В окно.) Подави в рожок, Кэндэйси, пусть уйдут с дороги.

Звучит рожок.

Еще попадут под колеса, и отцу вашему будет неприятно. Уж хочет, не хочет, а придется и ему купить авто теперь. Я почти жалею, Герберт, что вы раздразнили нас этим авто. У нас, конечно, есть выезд, но часто, когда мне бы хотелось прокатиться, черномазенькие наши бывают заняты, а отвлеку я их от дела — мистер Компсон меня расказнит. Неужели и вы, Герберт, станете так поступать с моей Кэндейси?

Герберт. Никогда. А машина вам необходима. Вы согласны, Квентин? (Матери). Я с Квентином сразу же без мистеров. Я о нем уже столько слышал от Кэндейси.

Мать. Да, да, поменьше церемоний, я хочу, чтобы вы, мои мальчишки, были задушевыми друзьями. Ведь Кэндейси с Квентином задушевные друзья. Поговорите о том, о сём, а мне надо к себе. Я сейчас держусь исключительно на нервах. Расплата за это наступит для меня потом, когда все кончится, и вы увезете от меня мою маленькую дочурку.

Герберт. А меня так и подмывает вместо нее увезти вас. Тем более, эту машину мистер Компсон не догонит.

Мать. Ах, Герберт. Слышала бы Кэндейси, что вы говорите. Впрочем, это ведь лезть в утешение старухи. Подумать: у меня — и замужняя взрослая дочь. Прямо не верится.

Герберт. Чепуха. Вы выглядите девушкой. Вы в десять раз моложе Кэндейси. И румянец у вас на лице девичий.

Мать. Ха-ха, ха-ха-ха. Джейсон, проводи меня.

Герберт (им вслед). Думай, как ты станешь банкиром, Джейсон.

Мать и Джейсон уходят.

Герберт. Нам не худо бы сойтись покороче. Сигару?

Квентин. Спасибо, не курю.

Герберт. А я закурю. Не возражаете?

Квентин. Курите.

Герберт. Благодарю. (Закуривает.) Полагаю, матушка ваша не рассердится, если мы эту спичку в камин? Много слышал о вас от Кэндейси. Во Френч Лике вы у нее прямо с языка не сходили. Я не на шутку приревновал даже. Что у нее за Квентин, думаю себе. Надо бы взглянуть, что за чудо-юдо такое. Потому что, не скрою, я по уши

врезался в эту девушку и с первого взгляда. Мне и в голову не пришло, что она про брата. Про мужа и то столько не говорят. Прямо свет клином сошелся на Квентине. Может быть, закурите все же?

Квентин. Я не курю.

Герберт. А сигары неплохие. Обходятся мне в двадцать пять долларов сотня. Оптом беру у одного приятеля в Гаванне. Так, полагаю, перемен там в Гарвардском немало. Я все собираюсь туда съездить, да никак не получается. Десять лет уже, как впрягся в дело. Отлучиться из банка могу только летом, когда в университете никого. Впрочем, там меня, наверно, все забыли.

Квентин. Ошибаетесь, там очень хорошо запомнили ваши карточные подвиги.

Герберт. Ах, вон как. Выведывали мои секреты.

Квентин. Ничего не выведывал. Слишком громкую память вы о себе оставили. Но я не собираюсь говорить ни отцу, ни матушке, если вы насчет того забеспокоились.

Герберт. Да ну, как будто мне не все равно: скажете или не скажете.

Квентин. Вы лжете. Вам не все равно.

Герберт. Не горячитесь. Понятно, что юнцу, вроде вас, вещь такого рода кажется весьма серьезной. Но пройдет лет пять...

Квентин. Шулерство есть шулерство, и не думаю, чтобы в университете меня научили иначе на это смотреть.

Герберт. Ну, у нас разговор пошел прямо как в театре. Вы на драматическом семинаре должно быть отличаетесь. Что ж, вы правы, не стоит им об этом говорить. Кто старое помянет, тому глаз вон — так ведь? Незачем нам портить отношения из-за безделицы. Вы мне нравитесь, Квентин. И наружность ваша нравится. Вас не спутаешь со здешними провинциалами. Я рад, что мы теперь накоротко. Я вашей матушке обещал кое-что сделать для Джейсона, но я и вам не прочь содействовать. Для Джейсона и здесь вполне подходяще, а вот для молодого человека вашего калибра в этой дыре перспектив ни малейших.

Квентин. Спасибо. Вы держитесь лучше Джейсона. Он вам больше подойдет.

Герберт. Я сам жалею о той истории, но я ведь тогда младенцем был и матери, как ваша, не имел, некому было научить меня высшим тонкостям. Если вы скажете ей, то причините только напрасную боль.

Квентин. Я сказал — ни отцу, ни маме. Что вы так переполошились?

Герберт. Послушайте, мальчик, взгляните на меня и на себя. Сколько, думаете, минут вы бы против меня продержались?

Квентин. А мне и не понадобится долго, если вы такой же боксер, как студент. Попробуйте — узнаете, сколько продержусь.

Герберт. Ох, молокосос, наприсишься.

Квентин. Давайте, попробуйте.

Герберт. Мой бог, сигара. Чтобы ваша матушка сказала, если бы я прожег ей каминную доску. Впрочем успел. Послушайте, Квентин, мы вот-вот учиним такое, о чем после оба будем сожалеть. Вы мне по душе. Понравились с первого взгляда. Я сразу подумал: этот Квентин, должно быть, парень первый сорт, раз Кэндейси так о нем. Давайте столкнемся, мы же свои люди, оба гарвардцы. А не узнаваем, должно быть, стал старик университет. Нет в мире места лучше для молодежи. Непременно сыновей своих туда пошлю, пусть за меня доучатся. Да погодите уходить. Давайте обсудим здраво. Я всей душой за то, чтобы у молодого человека были благородные идеалы. Пока

он учится — это ему на пользу, характер формируется, традиции там всякие студенческие. Но когда потом выходишь в жизнь, то приходится рвать свой кусок всеми способами, потому, что видишь ведь, что и все, черт их дери, тоже самое делают. Ну давай руку, и кто старое помянет. (Протягивает руку, в которой оказывается денежная купюра.) Ради матушки твоей. Вспомни, какое у нее здоровье. Да не прячь руку. Смотри вот. Новенькая, без пятнышка, как воспитанница, вчера только из монастыря, ни одной складочки, взгляни-ка.

Квентин. К черту ваши деньги.

Герберт. Да ну, брось. Я теперь ведь тоже член семьи. Знаю, как оно у молодых людей. Расходов личных куча, а из папаши выжать монету непросто. Сам был таким не так давно. Теперь-то я остепенился, женюсь вот. Да ну же, не дури.

Квентин. Не суйте ваши чертовы деньги.

Герберт. Считаю, что берешь их взаймы. Зажмурь глаза — разбогатеешь на полсотни.

Квентин. Не суйте руки. И уберите сигару с камина.

Герберт. Значит отказываешься от денег.

Квентин. Разумеется, отказываюсь.

Герберт. Ну и черт с тобой. Хочешь рассказывать про меня гадости — рассказывай. Много этим возьмешь. Только такой дурень, как ты, не способен понять, что обе они, и сестричка твоя, и матушка, у меня вот так в руках, и ничего тут братикам-молокососам с башкой. набитой благородной спесью не сделать. Тоже, нашелся рыцарь Галахад. Мне твоя матушка тебя описала. Каким описала, таким ты и оказался.

Квентин. Однако, вы фрукт.

Герберт. погоди, еще узнаешь какой.

Входит Кэдди.

О! Входи, дорогая, входи. Мы тут с Квентином знакомство укрепляли, разговор ведет о Гарвардском. Что, соскучилась о благоверном своем?

Кэдди. Герберт. оставь нас одних на минутку. Мне надо поговорить с Квентином.

Герберт. Да входи же, входи. Поболтаем все втроем интимно. Я как раз говорил Квентину...

Кэдди. Оставь нас, Герберт, на минуту.

Герберт. Что ж, пожалуйста. Захотелось, значит, сестричке с братцем еще раз пообщаться.

Квентин. Вы бы убрали сигару с камина.

Герберт. Прав, как всегда, мой мальчик. Ну, надо топать, раз велят. Сейчас, Квентин, самое их время помыкать нами. Но подождем до послезавтра и услышим «разреши, муженек дорогой». Не так ли дорогая? Ну, поцелуй же.

Кэдди. Перестань, подожди до послезавтра.

Герберт. Тогда уж я потребую с процентами. Не позволяй тут Квентину болтать лишнее. Кстати, рассказывал ли я тебе, Квентин, как у одного был болтливый попугай, и что с ним приключилось? Печальная история и поучительная. Напомни, расскажу. Ну, пока, до встречи на страничке юмора.

Уходит, хлопнув дверью.

Кэдди. Ну! Что ты еще затеял?

Квентин. Ничего.

Кэдди. Ты опять в мои дела суешься. Мало тебе того, что было прошлым летом.

Квентин. Кэдди!

Кэдди. Ты что, драку с ним хотел затеять?

Квентин. Он лжец и негодяй, Кэдди. Его из студенческого клуба за шулерство выгнали, объявили ему бойкот.

Кэддит. Ну и что. Я с ним в карты играть не собираюсь.

Квентин. Кэдди, зачем тебе замуж?

Кэдди. Хочешь, чтобы я ответила зачем? Думаешь, скажу, и причина исчезнет?

Квентин. У тебя жар, Кэдди. Я еще вчера заметил. Как от печки пышет.

Кэдди. Я больна.

Квентин. Ты больна? Чем ты больна?

Кэдди. Больна и всё. И к доктору нельзя еще.

Квентин. Ах ты вот как больна. Но тогда ты не можешь выйти замуж.

Кэдди. Нет, могу. Я должна замуж за кого-нибудь. Все после этого уладится, и будет все равно.

Квентин. Но не за этого прохвоста, Кэдди.

Кэдди. Я должна за кого-нибудь.

Квентин. Кэдди, не за этого.

Кэдди. Больше никого нет. А я должна выйти замуж.

Квентин. И ты не знаешь от кого у тебя?

Кэдди. Нет.

Квентин. А он знает, что ты...

Кэдди. Он ничего не знает. Ему и не нужно. Я должна выйти замуж.

Квентин. Скажи, Кэдди, у тебя их очень много было?

Кэдди. Не знаю. Слишком много. Во мне что-то было ужасное. Ночью иногда оно на меня скалилось. Сквозь них, сквозь их лица мне скалилось. Теперь прошло, и я больна.

Квентин. А облика оно какого, Кэдди?

Кэдди. Что?

Квентин. То, что скалилось тебе сквозь них... Кэдди, Кэдди...

Кэдди. Не мучай меня. Не мучай. Обещай мне только...

Квентин. Кэдди, не выходи замуж за этого прохвоста. Подумай о Бенджи, о папе. Не обо мне.

Кэдди. А я о ком думаю? Ради кого еще я это делаю? И выплакаться не могу даже. Прошлым летом я говорила тебе, что мертва, но тогда я еще не знала, что говорю, не знала, что это значит. Но теперь говорю тебе и знаю, что мертва.

Квентин. Так зачем тебе это замужество? Слушай, давай уедем — ты, Бенджи и я, куда-нибудь, где нас никто не знает, где...

Кэдди. А на какие деньги? На те, что за твое учение отдали? Что за луг выручили? Неужели ты не понимаешь, что теперь ты обязан кончить курс, иначе у Бенджи не будет совсем ничего. Врачи говорят, что папе не прожить и года, если пить не бросит. А он не бросит, не сможет теперь, после того, что я... после того, что прошлым летом. И тогда Бенджи в Джексон отгадут. Обещаешь мне заботиться о Бенджи и о папе?

Квентин. Ты, Кэдди, уж помалкивай о Бенджи и о папе. Сама хороша — уезжаешь.

Кэдди. Обещай. Я больна ведь. Ты должен обещать... Обещай мне. Обещай.

Слышен плач Бенджи.

Квентин. Бенджи плачет. Что это с ним?

Кэдди. Мне кажется, он что-то чувствует. А что — не знаю.

Квентин. А я знаю. Бенджи чувствует беду.

Сад возле дома Компсонов. Бенджи плачет. Дилси его успокаивает.

Дилси. Не надо. Не плачь, Бенджи. Вот и бутылочка твоя с цветочком. Понюхай его, Бенджи.

На веранде появляется мать.

Мать. Чего ему надо? Поразвлекай его, Дилси, пусть замолчит.

Дилси. Да он к воротам хочет, глядеть на дорогу.

Мать. Вот этого как раз нельзя. Неужели ты не можешь поиграть с ним, чтобы он замолчал? Прекрати, Бенджамин.

Дилси. Не замолчит о ни за что. Он думает, если стоять у калитки, то мисс Кэдди вернется.

Мать. Вздор какой. Вздор! (Мать уходит.)

Дилси. Ну что толку торчать здесь и глядеть на дорогу. Мисс Кэдди далеко теперь от нас. Вышла замуж и уехала. Что толку держаться за калитку и плакать. Она же не услышит.

Бенджи плачет.

Дилси. На вот тебе цветочек твой. (Вкладывает Бенджи в руку цветок. Бенджи замолкает.) Вот так-то лучше. Поиграй с цветком, а я на кухню сбегаю и быстро вернусь. Да, Бенджи? Вот и хорошо. Я быстро. (Уходит.)

За калиткой появляются две школьницы. Бенджи, увидев их, улыбается.

I школьница. Вот он. Ему за ворота не выйти. И потом — он смирный.

II школьница. Я боюсь. Пойду лучше той стороной.

I школьница. Тоже еще зайчишка-трусиска. Да ему за ворота не выйти. Пошли!

Бенджи смеется.

II школьница. Я боюсь.

I школьница. Он не тронет. Я каждый день тут прохожу. Он только вдоль забора бегают.

II школьница. Ну ладно, пошли.

Проходят мимо калитки. Неожиданно Бенджи открывает калитку и оказывается рядом со школьницами. Он хватает одну из них за руку и протягивает ей цветок. Другая школьница с криком убегает. Появляется прохожий.

Прохожий. Эй! Идиот напал на школьниц! Быстрее сюда. Идиот напал на школьниц!

На крик сбегаются мужчины. Один из них сбивает Бенджи с ног.

I мужчина. Вот тебе, идиот.

II мужчина. Этого мало. А ну, помогите. Надо снять с него штаны.

Бенджи кричит. Ему засовывают в рот кляп, стягивают штаны. Взмах ножа, и Бенджи кидают на землю.

I мужчина. Теперь у него отпадет охота нападать на школьниц.

II мужчина. Нечего будет им показывать.

Мужчины с гоготом разбегаются. Появляется Дилси.

Дилси. Бенджи! Где ты, Бенджи? Неужели ты сумел открыть калитку. (Находит Бенджи.) Боже мой. Бенджи. Что они с тобой сделали? Помогите! Помогите!

Комната Квентина в общежитии Гарвардского университета. Квентин стоит у письменного стола. В руке лист бумаги.

Квентин (читает). «Мистер и миссис Джейсон Ричмонд Компсон извещают о свадьбе дочери их Кэндейси с мистером Сиднеем Гербертом Хедом, имеющей быть... (Рвет лист, берет другой. Читает.) «Дорогой Квентин. Случилось ужасное. Кэндейси родила раньше срока, и Герберт выгнал ее на улицу... (Рвет и этот лист. Садится и пишет.) «Отец, я совершил... (Звонит телефон. Квентин снимает трубку.) Привет, Шрив. Нет, на психологию не пойду. Слушай, я обещал нашему старому негру из одежды кое-что. Меня, возможно, не будет весь день, так ты ему ничего сегодня не давай, ладно? Только завтра! Что? Зачем я купил два утюга? А затем, что два весят больше, чем один. Не понимаешь? А все потому, что у тебя никогда не было сестры. Или была? Нет? Но все они сучки... Это я так. Всего хорошего, Шрив. (Кладет трубку и продолжает писать.) Отец, я совершил кровосмешение. Это, я, я, а не Долтон Эймс был с Кэдди. (Отрывается от листа.) Да это так, Кэдди. И бесполезно спорить, Кэдди.

Возникает видение Кэдди.

Кэдди. Квентин. Бедный Квентин. Что с тобой?

Квентин. Ничего особенного. Простоя, наконец, понял, что отец был прав: никому не дано победить время. И Христос не распят был, а стерт на нет крохотным пощелкиванием часовых колесиков. (Берет в руки отцовские часы.) Вот послушай, как они пощелкивают.

Кэдди. Не хочу.

Квентин. Надо же. Никто не хочет слушать ход часов. Но все равно одно «так-так» враз выстроит в уме всю вереницу нерасслышанных секунд. Эта вереница, по словам отца, похожа на световой луч, которым впору шествовать Христу. И добрейшему святому Франциску, называвшему смерть Маленькой Сестрой, а сестры-то у него ведь не было.

Кэдди. Остановись, Квентин.

Квентин. А еще отец говорил, что часы — убийцы времени. Что отщелкиваемое колесиками время мертво и оживает, лишь, когда часы останавливаются. Проверим? (Поднимает над головой часы.)

Кэдди. Оставь часы в покое. Поверь, все не так безнадежно.

Квентин. А ты знаешь, что такое безнадежность?

Кэдди. Думаю, да.

Квентин. А я думаю, что не знаешь. Потому, что безнадежность не тогда, когда поймешь, что помочь не может ничто — ни религия, ни гордость, ничто, — а вот когда ты осознаешь, что и не хочешь ни откуда помощи.

Кэдди. И ты осознал это после моего разрыва с Гербертом?

Квентин. О, нет. Намного раньше. Помнишь, как в день похорон бабушки мы с тобой играли в ручье? Ты еще села в ил и запачкала штанишки, а Дилси тебя потом за грязные штанишки бранила.

Кэдди. Я отлично помню это.

Квентин. Так вот. Когда мы брызгали друг на друга водой в ручье, я вдруг понял (по крайней мере мне так сейчас кажется), что безмятежный блеск ручья превратится в быстрый поток времени, который не просто разлучит нас, но и вернет тебя в позор и унижение.

Кэдди. Не надо в себе это лелеять. Квентин. Ты должен усвоить, что даже вселенская несправедливость едва ли стоит того, что ты намерен.

Квентин. Поздно. Я уже вижу мои журчащие кости и над ними глубокую воду, как ветер, как ветровой покров, а через много лет и кости неразличимы станут на пустынном и нетронutom песке. Так что в день Страшного суда велят восстать из мертвых, и один только утюг всплывет... Я продал Бенджин луг за право смерти в Гарвардском. Гарвардский университет звучит ведь так утонченно. Сорок акров не столь уж высокая цена за красивый звук. Прменяем Бенджину землю на красивый мертвый звук. Этого звука Бенджамину надолго хватит, он ведь его не расслышит, разве что учует.

Кэдди. Неужели ты не видишь для себя другого выхода, Квентин?

Квентин. Почему же, он есть. Скажи все отцу. Ладно?

Кэдди. Ладно. А что ему сказать?

Квентин. Скажи, что у нас с тобой было и тогда оно исчезнет. Потому что он скажет «меня нет», и тогда не будет нас с тобой, потому что он родитель.

Кэдди. Ты несешь бред.

Квентин. Нет. У нас было. Как ты могла забыть? Это было преступление. Мы совершили страшное. Его не скрыть. Ты думала — скроешь?

Кэдди. Бедный Квентин. Ты бредишь от того, что ни разу еще...

Квентин. А я говорю тебе — было. Ты вспомнишь и расскажешь отцу. Ты ведь любишь отца. Любишь. Расскажи все отцу, и тогда волей-неволей мы уйдем на ужас и позорище в чистое пламя. Я тебя заставлю все рассказать отцу, я сильнее тебя.

Кэдди. Но я ничего такого не помню.

Квентин. Ничего, вспомнишь. Я заставлю тебя вспомнить. Ты думала это они, а это был я. Слышишь? Я тебя обманывал все время. Это я был.

Кэдди. Нет. Квентин. Нет!

Квентин. Да, да, да! Ты думала, я в доме остаюсь, где не продохнуть от проклятой жимолости, где стараюсь не думать про гамак, кедры, неистовые вздохи... Если бы за всем этим адское пламя, и мы оба мертвее мертвых. Чтобы только ты и я там среди позорища и ужаса, но отгороженные чистым пламенем ото всех. Расскажи все отцу. Расскажи, Кэдди.

Кэдди. Расскажи ему все сам, если надеешься, что поможет. (Порывается уйти.)

Квентин. Не уходи, Кэдди!

Кэдди. Бедный Квентин. (Исчезает.)

Квентин. Кэдди! Кэдди!

Возникает видение отца.

Квентин. Отец! Я совершил...

Отец. Да, да. Я уже слышал и думаю, мне можно не тревожиться, иначе ты бы не чувствовал надобности в этой выдумке насчет кровосмешения.

Квентин. Я не лгал, я не лгал.

Отец. Просто ты хотел акт естественной человеческой глупости возвысить до грозного ужаса и очистить затем правдой.

Квентин. Я хотел отгородить Кэдди от орущего мира, чтоб ему иного выбора не было как исторгнуть нас обоих из себя, и тогда быстрое бы звучало так, как если бы никогда его и не было.

Отец. И ты склонял ее к этому?

Квентин. Нет, я боялся.

Отец. Боялся чего?

Квентин. Я боялся, она согласится, и тогда бы оно не помогло. Но если вам отцу скажу, то оно свершится тем самым и упразднит все что у нее с другими было, и мир прочь угрохочет.

Отец. Вернемся к другому твоему намерению. Ты не солгал и в этом, но очевидно забыл, что нам должно лишь краткое время прободрствовать среди творимого зла, отнюдь не вечность.

Квентин. И краткого не нужно, если обладаешь мужеством.

Отец. Ты считаешь это мужеством?

Квентин. Да, сэр, считаю. А вы нет?

Отец. Каждый человек волен в оценке своих качеств. То что ты считаешь такой поступок мужественным, важнее самого поступка. В противном случае твое намерение несерьезно.

Квентин. Вы не верите, что я серьезно.

Отец. Думаю, что ты чересчур даже серьезно. Но ты еще не разбираешься в себе, в той части всеобщего закона, что правит сцеплением событий и причин, и чья тень на челе у каждого, не исключая Бенджи. Тобою не взята в расчет конечность всего на свете. Тебе рисуется апофеоз, в котором нынешнее — временное — состояние твоего духа будет вознесено над телесным, но сохранит навеки в себе ощущение и себя, и тела, и ты не вовсе будешь устранен, собственно даже не будешь мертв.

Квентин. Какое-то время.

Отец. Безусловно. Но тебе невыносима мысль, что когда-нибудь твоя боль притупится. Мы с тобой подходим к самой сути. Ты, кажется, смотришь на смерть, как на некую встряску, которая, так сказать, сединой тебе выбелит голову за ночь, но в остальном не коснется твоего облика. Не в таком настроении кончают. У игры свои законы. Удивительней всего, что человек, само зачатие которого случайность, и чей каждый новый вдох подобен очередному пробросу игральные кости, насвинцованных шулером, что человек никак не хочет примириться с неизбежностью финального кона, а прибегает к насилию, ко всяческим уловкам, вплоть до мелкой подтасовки, неспособной и ребенка обмануть, пока однажды в крайнем отвращении на одну слепую карту бросит все. Не в первом яростном приступе отчаяния, горя, угрызений кончают с собой, а лишь когда осознают, что даже и отчаяние, горе, угрызения твои не столь уж важны для сумрачного Игрока.

Квентин. Временно.

Отец. Это не имеет значения. Нелегко осознать, что любовь ли, горесть — лишь бумажки, бонны, наобум приобретенные, и срок им истечет, хочешь, не хочешь, и их аннулируют, без всякого предупреждения заменят тебе каким-нибудь наличным выпуском божьего займа. Нет, ты не сделаешь этого. Ты прежде придешь к осознанию, что даже и она, быть может, не вовсе достойна отчаяния.

Квентин. Никогда я не приду к такому. Никто не знает того, что я знаю.

Отец. И все же возвращайся-ка ты лучше теперь в свой университет. А не то на месяц съезди в Мейн. Денег хватит, если экономно. Тебе будет на пользу. Копеечные развлечения врачуют успешней Христа.

Квентин. Допустим, что я уже пробыл там неделю или месяц и понял то, что по-вашему я там пойму.

Отец. Тогда ты вспомнишь, что мать с момента твоего рождения лелеяла мечту, что ты кончишь Гарвардский, а разрушить надежды женщин — это не по-компсоновски.

Квентин. Так будет лучше для меня и для всех нас.

Отец. Каждый человек волен в самооценке, но да не берется он предписывать другим, что хорошо для них, что плохо.

Квентин. До времени.

Отец. Не было слова печальней. Все в мире временное. И отчаяние лишь до времени и само время лишь в прошедшем (Исчезает.)

Квентин подходит к столу. Бьют часы.

Квентин. Четверть часа осталось. И тогда меня не будет. Успокоительнейшие слова. Успокоительнейшие! Non fui. Sum fui. Non sum. Меня не было. Я есмь. Я был. Меня нет. Где-то слышал я перезвоны такие однажды. В Миссисипи, то ли в Массачусетсе. Я был. Меня нет. В Массачусетсе, то ли в Миссисипи. (Рвет лист. Берет новый. Пишет.) «Мама, Отец, Кэдди, Джейсон, Бенджи! Уснув настолько раньше вас, я буду крепко спать, миновав Дверь, за которой не приносят ничего худого. Квентин» (Одевает жилетку, пиджак, протягивает руку к выключателю.) Стоп. (Оглядывается.) Так и есть. Забыл шляпу. (Рассматривает ее.) Да она же не чищена. (Находит щетку, чистит шляпу, рассматривает ее.) Другое дело. (Одевает шляпу. Смотрится в зеркало, снова протягивает руку к выключателю.) Я есмь. Меня не было. (Выключает свет.)

Сад возле дома Компсонов. Мать сидит на скамейке. Заметно, что она волнуется. Рядом с ней Бенджи. Он играет с цветком. Джейсон ораторствует.

Джейсон. Конечно, меня в университет не посылали. Не обучали в Гарвардском, как ночью прыгать с моста, не умея даже на воде держаться.

Мать. Ах, Джейсон. (Плачет.)

Джейсон. По крайней мере я не слышал, чтобы отец хоть раз предложил продать что-нибудь, чтобы послать меня в Гарвардский.

Мать. Ах, Джейсон.

Джейсон. Вы все время говорили, что уж мою-то карьеру она не в праве подвергать опасности, после того, как семья столько сделала для нее, и все время надеялись, что у них как-то уладится, и он не станет ее гнать.

Мать. Ах, Джейсон.

Слышится шум от подъехавшего экипажа.

Вот и отец с малюткой.

Входит отец с ребенком на руках. Бенджи протягивает ребенку цветок.

Отец. Дилси!

Прибегает Дилси и забирает ребенка.

Мать. Ты с Гербертом не виделся?

Отец. Нет.

Мать. Ты даже не попытался заставить его обеспечить младенца?

Отец. Нет уж, она ни к центу его денег не притронется!

Мат. Его по суду можно заставить. Он ничего не может доказать...

Отец. Помолчи, Кэролайн. Джейсон! Помоги Дилси старую колыбель притащить с чердака.

Дилси. Да вот же колыбель. (Выкатывает ее из-за дома.) Я ее заранее приготовила. (Укладывает ребенка в колыбель. Бенджи над ней склоняется.)

Джейсон (раскачивая колыбель). Вот и должность моя — с доставкой на дом. Чем мне на север ехать куда-то на должность к ним в банк, так они прямо на дом прислали мою должность.

Дилси. А где малютке место, как не дома? Кому ее растить, как ни мне? Кто же как ни я всех вас вырастила?

Джейсон. Да уж, хвалиться есть чем. Пошли, Дилси!

Джейсон и Дилси поднимают колыбель. Бенджи пытается им помочь.

Мать. Куда вы несете колыбель?

Дилси. В бывшую Кэддину комнату. Куда же еще?

Мать (плача). В эту комнату?

Дилси. Тш-ш, мисс Кэлайн. Вы же дитя разбудите.

Мать. В эту комнату? В эту зараженную атмосферу? Не предстоит ли мне и так тяжелая борьба с тем, что она унаследовала?

Отец. Полно тебе. Не глупи.

Дилси. Где же ей быть как не в той самой спаленке, где я ее маму каждый божий вечер укладывала.

Мать. Тебе не понять. Чтобы моя родная дочь была брошена собственным мужем. Бедный невинный младенец. ты не узнаешь никогда, сколько ты горя причинила.

Отец. Полно тебе, Кэролайн.

Мать. Уж поверьте, я сделаю все, что в моих слабых силах, но защищу ребенка от заразы.

Дилси. Хотела бы я знать, какой ей вред от спанья в этой комнате.

Мать. Я всего-навсего беспокоящая старая женщина но знаю, что нельзя безнаказанно попирать установления господни.

Отец. Сущий вздор. Что ж, Дилси, тогда поставь колыбель в спальню миссис Кэролайн.

Мать. Пусть по-твоему вздор. Но она и узнать никогда не должна. Ни разу не должна услышать это имя. Дилси, я запрещаю тебе произносить это имя при ней. Я вознесла бы хвалу господу, если бы она могла вырасти и не знать даже, что у нее есть мать.

Отец. Ты говоришь, как дурочка.

Мать. Я никогда не вмешивалась в то, как ты воспитываешь их. Но теперь я уже больше не могу. Мы должны решить это сейчас же. Либо это имя никогда не будет произнесено здесь, либо увозите ее немедленно. Или я уйду. Выбирайте.

Бенджи умоляюще смотрит на мать.

Отец. Ну, полно. Просто ты расстроена.

Дилси. Как бы вы сами не слегли. Вид у вас будто с того света. Идите-ка в постель, я вам стаканчик пунша сделаю, и спите себе. Небось за все эти разъезды ни разу не выспались.

Мать. Никаких стаканчиков. Разве ты не знаешь, что доктор не велит? Зачем ты потворствуешь ему? Все его болезни в этих стаканчиках. Ты на меня взгляни, я тоже ведь страдаю, но я не так слабохарактерна, и я не пью, не свожу себя в могилу этим виски.

Отец. Чепуха! Ни черта эти врачи не знают! Зарабатывают себе на жизнь ничемными предписаниями. Сегодня врача, а завтра ты еще духовника мне приведешь. Дилси, Джейсон. Отнесите колыбель в комнату ее матери. (Уходит.)

Мать (склонившись к колыбели). Бедный младенчик. (Джейсону и Дилси.) Я буду счастлива остаток своей жизни посвятить ей, если только смогу оградить ее.

Дилси. Тш-ш! Я уж о ней позабочусь. А ну, Джейсон, беритесь за колыбель.

Джейсон и Дилси уносят колыбель в дом. Бенджи следует за ними. Дилси и Бенджи остаются в доме, а Джейсон возвращается.

Мать. Иди спать, Джейсон. Завтра тебе вставать рань. (Плачет.) Ты, моя единственная надежда. Ежевечерне я благодарю за тебя господа. Скоро я умру, и тогда всем вам будет лучше.

Джейсон. Ладно, ладно. Но если вы думаете, что Кэдди...

Мать. Я же просила не произносить этого имени.

Джейсон. Ладно. Но если вы думаете, что она сдержит обещание и не будет ездить сюда к дочери, то вы сами себя дурачите.

Мать. Этого не будет, Джейсон.

Джейсон. Ну, ну. Время покажет, кто прав. Время покажет.

Действие второе

Сад перед домом Компсонов. Кэдди сидит на скамейке. Рядом с ней Бенджи. Он плачет.

Кэдди (гладит голову Бенджи). Бенджи. Бой бедный Бенджи. Не плачь.

Бенджи плачет. Входит Дилси с ребенком на руках.

Дилси. Вот ваше дитя. Спит и не чувствует, что мама рядом.

Кэдди. Дилси, дай ее мне.

Дилси. Конечно, берите. Кому же ее не носить, как родной маме.

Кэдди (забирает ребенка). Квентина! Какая ты у нас красавица.

Слышен шум подъехавшего авто.

Дилси. Джейсон приехал. Спрячьтесь в беседке, а потом я вас выпущу. (Забирает ребенка.)

Кэдди прячется. Входит Джейсон.

Пошли, Бенджи. (Направляется к дому.)

Джейсон. Дилси!

Дилси (останавливается). Что вы хотите?

Джейсон. Что ты себе позволяешь, Дилси.

Дилси. Вы о чем, Джейсон?

Джейсон. Будто не догадываешься. Кто тебе позволил устраивать свидания за моей спиной? И зачем ты еще идиоту этому несчастному дала с ней увидеться?

Бенджи плачет.

Дилси. Хотела бы я знать — кому какой вред от того, что она, бедняжка, со своим родным дитём свиделась. При вашем батюшке было б оно по-другому.

Джейсон. Беда только, что он в гробу. Меня ты, я вижу, не ставишь ни в грош, но матушкин запрет для тебя, надеюсь, что-то значит. Вот погоди, доволнуешь ее до того, что тоже в гроб сведешь, а тогда уже хоть полон дом напусти подонков и всякого отребья.

Дилси. Холодный вы человек, Джейсон, если вы человек вообще. Пускай я черная, но сердцем я теплее вашего.

Джейсон. Холодный или какой, а только интересно, чей вы тут все хлеб едите? Но посмей хоть раз еще такое сделать, и больше тебе у меня его есть не придется.

Дилси. Пошли, Бенджи. (Берет Бенджи за руку.) Какой человек. (Идет к дому.) Не дает бедняжке с родным дитем... Какой человек...

Дилси и Бенджи заходят в дом. Джейсон садится на скамейку, закуривает. Появляется Кэди.

Кэди. Здравствуй, Джейсон.

Джейсон. Ты?

Кэди. Я.

Джейсон. Ты же как будто дала обещание не ездить к нам. Я думал, у тебя хватит ума не приезжать.

Кэди. Ума, говоришь? Почему не сообщили мне о смерти папы? Я случайно прочла в газете. На последней странице... Сколько цветов на могиле.

Джейсон. Да, долларов на пятьдесят, не меньше.

Кэди. И Квентину на плиту кто-то положил букетик.

Джейсон. Квентину? Ну, ну. Хорошо, что мама тебя не видела. Только что укатила за покупками. Ты же на все способна. Ты ни о ком не думаешь. Тебе на всех наплевать.

Кэди. А! Ты про свою должность... Мне жаль, Джейсон, что так получилось.

Джейсон. Сильно тебе жаль. Теперь, значит, кроткие речи в ход пущены. Только напрасно приехала. Наследства нету ни гроша.

Кэди. Да никакого мне не нужно наследства.

Джейсон. То-то ты, только отец умер — сразу шмыг обратно. Но впустую ты приехала, впустую хлопчешь. И не думай, что тебе удастся под шумок домой вернуться. Не усидела в седле — пешком ходи. У нас в доме даже твое имя под запретом. Понятно? Мы знать вас не знаем, тебя и Квентина. Понятно тебе?

Кэди. Понятно... Джейсон! Устрой, чтобы я ее на минутку еще раз увидела.

Джейсон (грозно). Что?

Кэди. Я дом тебе пятьдесят долларов.

Джейсон. Да у тебя их нету.

Кэди. А сделаешь?

Джейсон. Сперва деньги покажи. Не верю, чтобы у тебя было пятьдесят долларов.

Кэди. Смотри. (Показывает купюру.)

Джейсон. Ого! Будь ты неладна — сколько денег. Разве он до сих пор шлет тебе деньги? Сколько в месяц?

Кэди. Не пятьдесят — сто дам. Сделаешь?

Джейсон. Надо подумать.

Кэдди. Я прошу тебя.

Джейсон. Правильно. Просить можно только меня. Потому что, если ты опять стакнешься с Дилси, то матушка выгонит ее в шею, Бена отправит в Джексон, а сама с Квентиной уедет отсюда.

Кэдди. Ладно. Сколько платить?

Джейсон (подумав). Сто долларов. Но только на минуту. И чтобы все, как я скажу.

Кэдди. Да, да. Все, как ты скажешь. Я ни просить, ни делать ничего больше не стану. Сразу же уеду.

Джейсон. Давай деньги.

Кэдди. Ты их после получишь.

Джейсон. Не веришь мне?

Кэдди. Не верю. Я слишком тебя знаю. Мы ведь вместе росли.

Джейсон. Уж кому бы говорить насчет доверия. Мне стоять здесь нечего. Дождь начинается. Прощай.

Кэдди. Ладно, бери. Но ты сделаешь? Обещаешь? (Протягивает деньги, но не отпускает.)

Джейсон (тянет деньги). Отпусти деньги, пока никого нет. Хочешь, чтобы нас увидел кто-нибудь?

Кэдди. Но сделаешь, Джейсон. Я бы тебя не просила, если бы иначе как-нибудь могла...

Джейсон. Вот это ты права, что иначе никак не можешь. Обещал — значит сделаю. (Забирает деньги.) Или может я не обещал?

Кэдди (вздвогнув). Джейсон!

Джейсон. Шучу. Но только, чтобы все, как я тебе сейчас скажу.

Кэдди. Хорошо, согласна.

Джейсон. Тогда опусти вуаль.

Кэдди опускает вуаль.

Хорошо. И стой здесь. (Заходит в дом и высовывает голову из окна.) Но учти. Одна минута, не больше. Квентина, дай я тебя поднесу к окошку. (Показывает ребенка.)

Кэдди. Квентина! (Идет к дому.)

Джейсон. Стой. Стой, я тебе говорю.

Кэдди. Квентина!

Джейсон. Стой! (Уносит ребенка в комнату и выбегает в сад навстречу Кэдди.)
Сеанс окончен.

Кэдди (бьет кулаками Джейсона по груди). Лгун! Лгун.

Джейсон. Ты что, с ума сошла? (Отдирает от себя Кэдди.) Что я, не выполнил все до точки? Уговор был на одну минуту, так или нет? Минуту ты и получила. Да не трясись, как в лихорадке, пальцы не ломай. Я-то сделал все по уговору. Это ты солгала. Обещала сразу же уехать. Не обещала скажешь? Вот и садись на поезд. Не уедешь, я скажу матери. А тогда можешь крест поставить на своих свиданиях.

Кэдди. Негодяй! Какой ты негодяй!

Джейсон. Правильно. Давай, давай. Только учти мои слова. Не уедешь первым же поездом — я ей все расскажу. Теперь-то ты дважды подумаешь, прежде чем лишать человека обещанной должности. И соответственно денег.

Кэдди. Кстати о деньгах. Я ведь посылаю деньги, и мать их получает. Так вот. Я хочу видеть банковский отчет. Хочу сама убедиться, куда эти чеки идут.

Джейсон. Это личное дело матери. Если ты считаешь себя вправе вмешиваться в ее личные дела, то я так и скажу ей, что по-твоему деньги по этим чекам незаконно присваиваются, и ты требуешь проверки счетов, поскольку не доверяешь ей.

Кэдди (шепчет). Будь ты проклят, о будь проклят, о, будь проклят.

Джейсон. Говори вслух. Это ведь для нас не секрет, что мы друг о друге думаем. Может, захотелось денежки назад? Дудки. Садись на ближайший поезд и уезжай. Не уедешь — пеняй на себя.

Кэдди. Послушай, Джейсон. Обещай мне, только без вранья. Я не стану проверять счета. Если мало, больше буду каждый месяц слать. Обещай мне только, что она... Чтобы поласковой с ней... Но тебя же не упросить. В тебе капли теплой крови нет и не было. Давай так. Уговори маму, чтобы она вернула мне ее, и я дам тебе тысячу долларов.

Джейсон. Ну уж тысячи у тебя нет. Это ты врешь, я чувствую.

Кэдди. Нет есть. Будет. Я могу добыть.

Джейсон. А я знаю каким способом. Тем же самым, каким и дочку свою заимела. А подрастет — и она...

Кэдди. Да ты... ты... (Трясется от гнева.)

Джейсон. Э! Только не вздумай бросаться с кулаками. Смотри — тебя сейчас разнесет на куски от злости.

Кэдди (садится). Ох, я сейчас с ума сойду.

Джейсон. Вот это правильно.

Кэдди. Я не в своем уме. Не могу я взять ее. Нельзя мне с ней. И думать об этом нельзя мне. Джейсон! Ты должен обещать, что будешь заботиться о ней, что... Она ведь не чужая, она родная тебе. Обещай мне, Джейсон. Ты носишь отцовское имя; как по-твоему, пришлось бы мне папу просить об этом дважды? Или хотя бы раз?

Джейсон. Что верно, то верно. Он меня не вовсе обделил, имя мне свое оставил. Только, должно быть, оттого во мне, по маминым словам, и компсоновского ничего нет, что он проспиртовался без остатка, пока до меня дошла очередь. Ну и чего ты хочешь от меня? Чтобы я себе передник повязал и коляску катал? Я, что ли, втравил тебя в это? Я и так многим рискую в этом деле, не то, что ты. Тебе-то терять ничего.

Кэдди. Конечно. (Истерически смеется.) Мне терять нечего. Не-че-го. (Хохочет.)

Джейсон. Ну-ка прекрати шум.

Кэдди. Сейчас. О, господи. Господи!

Джейсон. Я пошел. Не хватает еще, чтобы соседи увидели меня с тобой. А ты уезжай сейчас же, слышишь?

Кэдди. Подожди.

Джейсон. Да не хватай меня за руку.

Кэдди. Не буду больше. Так обещаешь, Джейсон? Обещаешь? Если я тебе вдобавок к тем чекам, что я маме, деньги присылать стану, будешь ей сам покупать, что нужно? Не скажешь матери? Будешь заботиться, чтобы у нее все, как у других девочек было?

Джейсон. Разумеется. Если ты будешь делать все, что я скажу. Но чтоб никаких каверз.

Кэдди. Все будет, как ты скажешь.

Джейсон. То-то же.

Из дома выходит Бенджи и бросается к Кэди. Та обнимает его.

А это что за явление? Кто его выпустил?

Кэди. Это он пришел попрощаться со мной. Чует, что мы нескоро увидимся. Может быть, никогда. (Убегает.)

Сад перед домом Компсонов. Бенджи стоит у калитки. Он все вспомнил и плачет. Рядом Ластер по-прежнему ищет монету.

Ластер. Тихо. Все соседи смотрят. (Подбирает цветы, которые он недавно выбил из рук Бенджи. Ставит их в бутылочку.) Вот тебе твои травки. Смотри! Опять все в точности, как было. Кончай!

Бенджи плачет. Из дома выходит Дилси.

Дилси. Веди его сюда. Что ты еще ему сделал?

Ластер. Я ничего ему не сделал. Он так просто, ни с чего.

Дилси. Нет уж, что-нибудь да сделал.

Ластер. Я его не трогал. Он игрался, а потом, вдруг, взял и заревел.

Дилси. Ты мне, сынок, не лги. (Выносит стол.) И не стыдно тебе дразнить его? (Ставит на стол торт.) Скажешь, ты его цветов не трогал?

Ластер. Не трогал. На что мне его травки? Я свою монету искал.

Дилси. Потерял-таки ее. (Зажигает свечи на торте.) Говорила я тебе, спрячь.

Ластер. Ничего, найдется. Хоть Бенджи, хоть разбенджи, а на артистов я пойду.

Дилси. Но, но. Ты к нему пристален. Заруби себе это на носу, внучек.

Ластер. Да я и так. Что он захочет, все делаю. Правда, Бенджи?

Дилси. Вот так-то бы давно. Ешьте торт, пока Джейсон не пришел. Сейчас привяжется, даром, что я этот торт купила на собственные деньги. Попробуй спеки здесь, когда он каждому яичку счет ведет.

Ластер (Бенджи). Слабо тебе свечки задуть. А смотри, как я их. (Дует. Свечи гаснут.)

Бенджи (недовольно). У-у-у-у-у!

Дилси. Не смей его дразнить, если хочешь пойти на артистов.

Ластер (набитым ртом). Я его не дразнил.

Бенджи плачет. Выходит мать.

Мать. Ну, что тут опять с ним? Двое взрослых негров не могут за ним присмотреть, я должна вставать с постели и спускаться к нему успокаивать. Вы знаете, что я больна, и нарочно его заставляете плакать. Прекрати, Бенджамин, сию минуту прекрати. (Замечает торт.) Ты что, потчевала его этим?

Дилси. В этом торте Джейсоновой муки нету. Я его на свои в лавке купила. Именины Бенджи справила.

Мать. Ты его отравить захотела этим лавочным дешевым тортом. Не иначе. Будет ли у меня когда-нибудь хоть минута покоя?

Дилси. Вы идите обратно к себе наверх. Прилягте.

Мать. Уйти и оставить его вам здесь на растерзание? Разве можно спокойно там лежать, когда он здесь орет. Бенджамин! Сию минуту прекрати.

Бенджи. У-у-у-у-у.

Дилси. А куда с ним денешься? Раньше хоть на луг, бывало, уведешь, пока не весь был проданный. Не держать же его во дворе у всех соседей на виду, когда он плачет.

Мать. Знаю, знаю. Во всем моя вина. Скоро уж меня не станет, без меня и тебе будет легче, и Джейсону. (Плачет.)

Дилси. Ну, будет вам, не то опять расхвораетесь. Идемте лучше, ляжете.

Мать. Нет, я посижу на воздухе.

Дилси. Тогда я их на кухню отправлю, пусть там себе играют. Бенджи! Возьми это. Помнишь, чья это туфелька?

Бенджи берет туфельку Кэди и успокаивается.

А ты, парень, что разошелся? (Бьет по руке Ластера.) Протяни опять попробуй. Я ее резакотом оттяпаю. Он, верно, ни куска еще не съел.

Ластер. Еще как съел. Я себе один, ему два. Пускай сам скажет.

Дилси. Попробуй только взято еще. Протяни только руку.

Ластер. Нельзя так нельзя. (Доедает кусок.)

Дилси (Берет в руки торт.) А ну, марш на кухню.

Дилси, Бенджи и Ластер уходят. Слышен шум от подъехавшего авто. Входит Джейсон.

Мать. Джейсон, ты сегодня рано. В магазине нет покупателей?

Джейсон. Наоборот, полно. Из-за артистов этих. Сегодня они и дневное представление дают, и народ, который понаехал, хочет до начала покончить со всеми покупками.

Мать. Что же ты уехал?

Джейсон. У меня дома одно дело есть. И вообще, не собираюсь я быть рабом торговли иначе, как под вывеской «Джейсон Компсон».

Мать. Тебе видней, Джейсон. А я как раз хотела с тобой поговорить о Квентине. Девушке уже семнадцать лет, и никакой серьезности. Мне только что позвонил директор школы и предупредил, что если она совершит еще один прогул, то ее исключат.

Джейсон. Если вы за ней не знаете чего похуже, чем пропуски уроков, то это еще ваше счастье.

Мать. Не знаю, что ты имеешь ввиду, но я не хочу, чтобы дирекция и учителя имели повод думать, будто я не могу ее в руках держать.

Джейсон. А что, можете разве? Вы и не пробовали никогда. А теперь, в семнадцать лет, хотите начать воспитывать?:

Мать. Я не думала, что она мне лжет. Например, она мне сказала, что в этом году осенью отменили дневники. Оказалось — лжет. И как это ей удастся сбегать с уроков? И куда? Ты весь день в городе, ты непременно бы увидел, если бы она гуляла по улице.

Джейсон. Вот именно. Если бы она гуляла по улице. Не думаю, чтобы она сбегала с уроков для невинных прогулок по тротуарам.

Мать. Что ты этим хочешь сказать?

Джейсон. Ничего я не хочу сказать. Я просто ответил на ваш вопрос. Так хотите, чтобы я поговорил с ней о ее поведении?

Мать. Ты уверен, что это принесет пользу? Боюсь, что ты погорячишься.

Джейсон. Зато уж вы со своими методами многого добились. Так желаете, чтобы я знался ею? Да или нет? Мне дома поработать надо.

Мать. Ох, знаю я, что жизнь твоя проходит в каторжном труде на всех нас. Будь моя воля, у тебя был бы сейчас свой собственный офис, приличествующий Бескому. Ты

ведь Беском, а не Компсон, несмотря на фамилию. Я знаю, что если бы твой отец мог предвидеть...

Джейсон. Отец тоже имел право давать иногда маху, как простой Смит или Джонс. Но поскольку офиса у меня нет, мне надо заниматься службой, какая есть. Так хотите, чтобы я поговорил с ней?

Мать. Я боюсь, ты станешь горячиться.

Джейсон. Ладно. Тогда не буду.

Мать. Но надо же что-то делать... Ведь иначе люди будут думать, что я сама разрешаю ей прогуливать уроки и бегать по улицам или, что я бессильна воспрепятствовать ей... О муж мой, муж мой! Как мог ты покинуть меня в моих тяготах?

Джейсон. Ну-ну. Вы этак совсем расхвораетесь.

Мать. Родная плоть и кровь моя. (Плачет.)

Джейсон. Ладно. Я займусь ею. Кончайте же плакать.

Мать. Не забывай, что она еще ребенок.

Джейсон. Ладно, ладно. Идите к себе.

Мать. Я на тебя надеюсь.

Джейсон. Да, да.

Мать уходит.

Джейсон (стучит в окно). Эй, кто-нибудь, несите почту.

Ластер приносит газеты, письма.

Джейсон (просмотрев газету). Так и есть. акции поднялись в цене, надо покупать. (Достаёт из кейса блокнот, быстро пишет и отрывает лист.) Пусть кто-нибудь отошлет это в Нью-Йорк телеграфом. (Отдает лист Ластеру.)

Ластер. Хорошо, мистер Джейсон. (Убегает.)

Джейсон (рассматривает письма). Ага. Это от Лорейн (Вскрывает.) «Милый папашка, хочу чтоб ты приехал. Мне без папочки не та компания, скучаю об миленьком папашке». (Отрывается от письма.) Еще бы. Простой раз я дал ей сорок долларов. В подарок. Впрочем, честную и приличную прости господи я очень уважаю. (Рвет письмо и сжигает обрывки над урной.) А это от Кэди. (Вскрывает другое письмо.) Чек на месте. (Прячет его в бумажник.) Ну, почитаем. «Мое письмо про праздничное платье для Квентины осталось без ответа. Неужели оно не получено? Нет ответа на оба последние моих письма к ней — хотя чек, что я вложила во второе, предъявлен к оплате, как и все остальные...» (Отрывается от письма.) Конечно, предъявлен. Не сжигать же их на самом деле. (Читает дальше.) Не больна ли Квентина? Сообщи мне немедленно, иначе я приеду и выясню сама. Ты вскрываешь мои письма к ней. Я знаю это так же твердо, как если бы сама видела...» Ладно, положим письмо обратно в конверт. (Кладет.) Туда же липовый чек. (Достаёт его из портфеля и вкладывает в конверт, после чего конверт запечатывает и кладет в карман.) Теперь посмотрим, что она пишет Квентине. (Вскрывает другой конверт.) Да там деньги. (Вытаскивает купюру.) Им верить нельзя ни одной. Подростку-девчонке, хлоп, пятьдесят долларов! Так дело не пойдет. (Прячет деньги в бумажник.) Как может кто-нибудь с ней справиться, если ей за спиной у нас шлют деньги.

Входит Квентина. Джейсон прячет распечатанное письмо между газет.

Джейсон. А, Квентина. Довольно рано. Двенадцать всего.

Квентина. Я только узнать: письма мне не было сегодня?

Джейсон. Я ты разве ждешь от кого? Среди твоих дружков завелись и грамотные даже?

Квентина. От мамы жду. Есть мне письмо от мамы? Ну, пожалуйста, Джейсон. Ведь есть мне письмо.

Джейсон. А ты, я вижу, действительно провела утро в школе. Научили тебя даже говорить «пожалуйста». Эй! Ты что делаешь?

Квентина бросается к газетной пачке, находит распечатанное письмо, но Джейсон выхватывает его.

Квентина. Отдайте. Вы уже вскрыли! Отдайте его мне! Пожалуйста, Джейсон. Оно мне ведь. Я видела адрес. (Пытается отобрать письмо.)

Джейсон. Я тебе дам сейчас. Возжхой. Как ты смеешь себя так вести!

Квентина. Ведь там же деньги должны быть. Она говорила, что придет. Обещала мне. Отдайте.

Джейсон. Только без нахрапа. Тут действительно тебе письмо. (Отдает письмо.)

Квентина (быстро просматривает письмо.) Мама пишет, что вложила в конверт деньги.

Джейсон. Сколько?

Квентина. В письме об этом ничего. Сколько там было?

Джейсон. Десять долларов.

Квентина. Десять долларов... Всего навсего десять? Врете вы. Вор. Вор!

Джейсон. Ах, ты так. И это благодарность за то, что я на такой риск иду. Позволяю Кэдди ездить сюда ежегодно, а то и два раза в год. Ладно, Раз так, ничего не получишь.

Квентина. Но как же так, десять долларов только. Она же сказала мне, что ... сказала... Джейсон, ну, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста. Мне очень надо. Очень-очень. Отдайте мне, Джейсон.

Джейсон. Скажи, зачем тебе деньги?

Квентина. Они мне обязательно нужны... Я в долг брала... И мне надо отдать. Обязательно сегодня.

Джейсон. Брала — где? Опять в магазинах? И не трудись, не поверю. Если найдется в городе торговец, который продаст тебе в долг, после того, как я их всех предупредил, то пускай это мой убыток будет.

Квентина. У девочки я брала, у девочки. Заняла у нее деньги, и надо вернуть. Обязательно. Мама вам заплатит. Я напишу ей, чтобы заплатила, и что больше я никогда у нее не попрошу. Напишу и письмо вам покажу. Ну, пожалуйста, Джейсон. Мне без них никак нельзя.

Джейсон. Ладно, бери свои десять долларов. (Достает деньги.)

Квентина. Но она обещала прислать больше. Сказала, что все время сюда шлет деньги, а вы говорите, что нет. Сказала, что прислала уже очень много. На мое содержание. И что часть их я могу брать себе. А вы все время говорите, что никаких денег нет.

Джейсон. Ты сама не хуже меня знаешь. Сама видела, что матушка с этими деньгами делает.

Квентина. Да видела. Но десять долларов... Десять долларов.

Джейсон. Конечно, если ты такая богачка, что десять долларов для тебя не деньги... (Делает вид, что хочет спрятать деньги.) Или возьмешь?

Квентина. Возьму. (Забирает деньги и хочет уйти.)

Джейсон. Нет, погоди. Скажи, где твои учебники?

Квентина. Вам-то что?

Джейсон. Ну, конечно. я никакого права не имею спрашивать. Я всего-навсего тот простофиля, который выложил за них в сентябре одиннадцать долларов шестьдесят пять центов.

Квентина. За мои учебники платит мама.

Джейсон. Да ну? Ты скажи это бабушке — услышишь, что она тебе ответит. И насчет одежек — ты вроде не совсем еще голая ходишь, хотя под этой штукатуркой лицо у тебя — самая прикрытая часть тела.

Квентина. По-вашему, на это платье пошел хоть цент ваших или бабушкиных денег?

Джейсон. А ты спроси бабушку. Спроси-ка, что случилось со всеми предыдущими чеками, что мама присылает. Помнится, один она сожгла на твоих же глазах. Что смотришь, как злющая собачонка?

Квентина. А знаете, что бы я сделала, если бы думала, что хоть один цент ваш или бабушкин потрачен на это?

Джейсон. Что бы ты сделала? Бочку бы надела вместо платья?

Квентина. Я тут же сорвала бы его с себя и выкинула на улицу. Не верите? А вот смотрите. (Задирает платье и пытается его порвать.)

Джейсон. Ах, ты, потаскушка сопливая. Сейчас ты у меня пожалеешь, что родилась на свет божий. (Снимает с пояса ремень.)

Квентина. Я и так жалею. И зачем только я родилась.

Джейсон. Я знаю, по крайней мере, еще одного человека, которому не все в этой истории понятно. (Хватает Квентину.)

Квентина (вырываясь). Пустите меня.

Джейсон. Не крутись! Не вырвешься.

Квентина. Пустите. Дилси! Дилси!

Прибегает Дилси.

Дилси. Джейсон. Ох, Джейсон! И не стыдно? (Загораживает Квентину.) Натe, меня бейте, если сердце не на месте, пока не ударите кого. Меня бейте.

Джейсон. Думаешь, не ударю?

Дилси. Я от вас любого непотребства ожидаю.

Мать (из окна). Дилси!

Джейсон. Ладно. Временно отложим. Но не думай, Квентина, что тебе удастся надо мною взять волю. Я тебе не старая бабушка и, тем более, не полудохлая негритянка. Пусть только еще раз услышу, что ты прячешься по закоулочкам с каким-нибудь пижоном.

Дилси. Отстаньте от нее, Джейсон.

Джейсон. Я бы с удовольствием. Лично мне все равно. Но в городе здесь у меня дом и служба, и я не потерплю, чтобы девушка из моей семьи вела себя, как негритянская потаскуха. Ты меня слышала, Квентина?

Квентина. Мне все равно. Пускай я плохая и буду в аду гореть. Чем с вами, так лучше в аду.

Джейсон. А ты так. (Снова замахивается.)

Дилси. Не бойся. Он до тебя и пальцем не дотронется, пока я здесь. Голубка моя. (Обнимает Квентину.)

Квентина. Не прикасайся ко мне. Уйди, чертова старуха!

Мать (из окна). Джейсон! Дилси!

Дилси. Слышу, слышу. Сейчас. Идите в дом, Джейсон. Или хотите еще и мис Кэлайн разбудоражить? Иду, иду, мис Кэлайн. (Наливает в грелку воду.)

Джейсон. Ладно. Квентина! Марш обратно в школу! И прогуляй еще раз — я тебе такое устрою, что и правда в ад запросишься. Помни! Еще только раз.

Квентина убегает. Спускается мать.

Мать. Что здесь за шум?

Джейсон. Никакого шума, вам показалось. Дилси, оставь нас.

Дилси уходит.

Матушка! Вот вам письмо от нее.

Мать с волнением берет письмо.

Вскройте.

Мать вскрывает письмо.

Чек там?

Мать. Да.

Джейсон. Что же вы держите его в руке? Вот вам спички, совок. Давайте, заканчивайте. А то сейчас плакать начнете. Что же вы не зажигаете спичку?

Мать. Я с великой неохотой это делаю. Добавлять к твоему бремени еще содержание Квентины.

Джейсон. Как-нибудь проживем. Ну, давайте же. Кончайте.

Мать. Этот чек на другой банк. Прежние были на индианополисский.

Джейсон. Да. Женщинам это тоже разрешается.

Мать. Что разрешается?

Джейсон. Держать деньги в нескольких разных банках.

Мат. А... Я рада, что она так... Что у нее столько. Господь не допустит, чтобы я поступала неправильно.

Джейсон. Давайте же, кончайте забаву.

Мать. Забаву? Не шути так, Джейсон.

Джейсон. Я не шучу. Я думаю, вы для забавы каждый месяц жжете двести долларов. Ну, давайте же, Хотите, я вам зажгу спичку?

Мать. Я бы сумела переломить себя и принимать их. Ради детей моих.

Джейсон. И навсегда бы покой потеряли. Сами знаете. Один раз решили, так и оставайтесь при своем решении. Проживем как-нибудь.

Мать. Воля твоя. Но временами я начинаю опасаться, что поступая так, лишаю вас средств, принадлежащих вам по праву. Возможно, за это меня ждет кара. Если ты желаешь, я подавлю в себе гордость и стану принимать их.

Джейсон. Какой смысл начинать сейчас, после того, как вы пятнадцать лет их жгли? Если вы и дальше будете уничтожать их, то вы не потеряли ничего. Но если начнете принимать эти чеки, то вы потеряли пятьдесят тысяч долларов. До сих пор мы, вроде, жили как-то. Вы пока еще не в богадельне.

Мать. Да, да. Мы, Бэскомы, не принимаем ничьей милостыни. А от падшей женщины — и подавно. (Сжигает чек.)

Джейсон. Сгорел. Жалко все же полноценные деньги жечь зря.

Мать. Да не доживу я до дня, когда дети мои примут эту мзду греха. Да увижу я прежде тебя неживого в гробу.

Из кухни выходят Бен и Ластер и скрываются за домом.

Джейсон. Будь, по-вашему. Но если деньги за нее принимать не хотите, то почему бы не отправить Бена в Джексон. Где уж нам в нашей семье заводить речь о гордости, когда приходится кормить полную кухню нигеров и лишать джексонский сумасшедший дом главное его звезды.

Мать. Скоро уж я уйду от вас. Я знаю, что только в тягость тебе.

Джейсон. Я столько раз уже слышал это ваше насчет тягости, что того и гляди вы меня в этом убедите. Только когда уйдете, то так, чтобы я не знал, а то я его как миленького в тот же вечер отправлю в Джексон. Неприятно видеть, как тридцатилетний остолоп по двору мотается вместе с негритенком, бегают вдоль забора и мычит коровой.

Мать. Ах, Джейсон. Бенджамин ведь родной брат твой. Пусть даже и прискорбный головою. (Плачет.)

Джейсон. Ладно вам. Ладно. Я за свою родню не хуже всякого другого. Только это еще жутко повезло, что у нас в роду были только губернаторы и генералы и не было королей и президентов, а то мы бы все теперь в Джексоне за мотыльчками гонялись.

Мать. Когда ты говоришь так, я чувствую, что ты недобром поминаешь отца. И, думается, ты имеешь на это право. Но слова твои терзают мне сердце.

Джейсон. Идите к себе, матушка.

Мать уходит.

Хорошо еще, что матушка совсем слаба глазами стала. Впрочем, откуда ей знать, что чеки не горят. (Смеется.) Вот он, настоящий чек! (Достает и любовно его рассматривает.)

Лесок неподалеку от дома Компсонов. В гамаке, натянутом между деревьями, жарко обнимаются Квентина и молодой человек в пиджаке и красном галстуке. Это артист. Появляются Бенджи и Ластер. Ластер увидев Квентину, останавливается и тянет Бенджи обратно.

Ластер. Пойдем, Бенджи, сюда нельзя.

Бенджи упирается. Квентина и артист вскакивают.

Квентина. Ах ты, противный идиот несчастный. (Поправляет прическу.)

Бенджи (с любопытством) У-у-у-у. (Идет к Квентине.)

Квентина (Ластеру). Ты его нарочно за мной повсюду водишь. Я сейчас Дилси скажу, она тебя ремнем.

Ластер. Да что я мог с ним поделаться. Поворачивай, Бенджи. (Пытается увести Бенджи. Тот упирается.)

Квентина. Мог, мог. Только не хотел. Вдвоем за мной подсматривали. Это бабушка вас подслала шпионить? (Соскакивает с гамака.) Только не уברי его сию минуту, и я пожалуюсь Джейсону, а он тебя выпорет.

Ластер. Мне с ним не справиться. Попробовали б сами, тогда б говорили.

Квентина. Заткнись. Вы уберетесь отсюда или нет?

Артист. Да оставь их. (Бенджи.) Эй, Джек! Глянь сюда. (Зажигает спичку и засовывает ее в рот. Потом вынимает изо рта, а спичка горит.)

Бенджи и Ластер потрясены.

А ну-ка, ты попробуй так. (Манит к себе Бенджи.) Открой рот. (Бенджи открывает рот.)

Артист снова зажигает спичку и хочет засунуть ее Бенджи в рот. Квентина ударяет артиста по руке. Спичка гаснет.

Артист. Это ты зря. (Хочет снова зажечь спичку, но Квентина ему мешает.)

Квентина. Ну тебя к чертям. Хочешь, чтоб развылся? Ему ведь только начать — и на весь день. Я сейчас на них Дилси пожалуюсь. (Убегает.)

Артист (ей вслед). Вернись, крошка. Я его не буду дрессировать. (Бенджи.) Ай-ай, Джек. Натворил ты дел.

Ластер. Да он не понимает, что вы ему сказали. Он глухонемой.

Артист. Да ну. И давно это?

Ластер. Равно тридцать три сегодня стукнуло. Он с рожденья дурачок.

Артист. Забрал бы ты его домой. Тебе, наверно, не велят водить его со двора.

Ластер. А он думает — тот луг ихний, как раньше, и все туда просится. А дойдет до луга или нет — все равно от дома не видать.

Артист. Но я то его вижу. А на дурачка глядеть — приятного мало. Да и примета нехорошая.

Ластер. Ладно. Сейчас уйдем. А вы не артист будете?

Артист. А что?

Ластер. Да я вас вроде раньше в нашем городе не видал.

Артист. Ну и что?

Ластер. Ничего. Я сегодня на представление пойду. А вы не тот самый будете, что на пиле играет, прямо как на банджо?

Артист. Купишь билет. Узнаешь.

Бенджи (недовольно). У-у-у-у-у.

Артист. Такого надо взаперти держать. Зря ты с ним сюда приперся.

Ластер. Я тут не при чем. У меня и так неприятность. Монету потерял и не на что теперь билет купить. Прямо, хоть оставайся дома. У вас не найдется случайно четверть доллара?

Артист. Нет. Не найдется случайно.

Ластер. Придется искать ту монету. А мячик купить тоже не хотите?

Артист. Какой мячик?

Ластер. Для гольфа. Всего за четверть доллара.

Артист. Покажи-ка. (Рассматривает мяч.) Ты где взял?

Ластер. Да нашел.

Артист. Что нашел понятно. Только где нашел? У игроков в сумке?

Ластер. Он во дворе у нас валялся. Купите.

Артист. Чужой мяч продавать?

Ластер. Я его нашел.

Артист. Валяй, ищи снова. (Прячет мяч в карман.)

Ластер (испуганно). А четверть доллара?

Артист. Да я пошутил. (Возвращает мяч.) На что он мне? Что я с ним буду делать?

Ластер. Так я и думал. (Бенджи.) Пошли, башка ослиная. С этим белым каши не сваришь. (Нагибается.) Гляди, я тебе игрушку нашел. На, держи вместе с дурманом (Отдает находку Бенджи.)

Артист (отнимает у Бенджи находку и рассматривает ее). Где ты взял?

Ластер. Вот под этим кустом. Я подумал, моя монета.

Бенджи плачет.

Не реви. Он посмотрит и отдаст.

Артист (отдает находку Бенджи.) Кто у нее тут был вчера?

Ластер. Не знаю. К ней приходят, когда темно. Примет не оставляют.

Артист. Один все же оставил примету. (Ложится в гамак.) Топайте отсюда. Не действуйте на нервы.

Ластер (Бенджи). Пошли, наделал ты делов. Мало тебе, что мисс Квентина сейчас на тебя жалуется.

Слышен шум приближающегося авто.

Артист (спрыгнув с гамака). Неужто, опять этот псих? (Приглядывается.) Так и есть. Выходит, топтать отсюда надо мне. Ребята меня здесь не было. (Уходит.)

Вбегает Джейсон.

Джейсон. Где они?

Ластер. Кто?

Джейсон. Будто ты не знаешь. Квентина и пижон в красном галстуке. Из тех артистов.

Ластер. Да мы только пришли. Я свою монету ишу, чтоб на артистов пойти.

Джейсон. Будь они прокляты, эти артисты. Ну ничего, я до них доберусь. Меня не так само по себе это бесит — может, она естество свое поборот не в силах, — но меня возмущает, насколько у нее нет уважения к семье. Все время так и боюсь, что наткнусь на них под каким-нибудь кустом, как на собачью свадьбу. (Топчет ногами кусты.) Эти свинячьи пижоны прилизанные думают, что они черт-те какие ухари. Я ему так ухну, что он одного цвета станет со своим галстуком, если он думает, что может безнаказанно мою племянницу в лес водить.

Слышен звук отъехавшего авто.

Уехали на его паршивой тачке. Ничего, по следам шин найду. (Убегает.)

Слышен звук отъехавшего авто.

Ластер. Пойдем, Бенджи, отсюда. А то и нам перепадет. А все же где я мог посеять свою монету? Так хочется посмотреть на этих артистов.

Сад перед домом Компсонов. В саду Бенджи и Ластер.

Бенджи (скулит). У-у-у-у-у-у!

Ластер. Сколько раз говорено тебе, кончай!

Входит Джейсон.

Джейсон. Почему шум?

Ластер. Это он просто так. Он весь день сегодня плачет.

Джейсон. А ты поменьше лезь к нему. Не умеешь успокоить, так ступайте на кухню. Мы не можем все, как матушка, запереться от него по комнатам. (Садится, раскрывает газету.)

Входит Дилси.

Дилси (Джейсону). Пожаловали-таки наконец. (Бенджи) Успокойся, вот туфелька твоя.

Бенджи затихает.

Где это вас носило? Вы же знаете, сколько у меня работы, неужели не можете вовремя.

Джейсон встает.

Нет, нет, наверно не ходите, а то снова мис Кэлайн разбудоражите.

Джейсон. А что там такое?

Дилси. Квентина пришла и говорит, вы гонялись за ней весь день. Зачем вы ее обижаете? Неужели нельзя вам жить в одном доме с собственной племянницей и не ссориться?

Джейсон. Когда мне было с ней ссориться, если я ее с двенадцати часов не видел. И чем это я ее обидел? Что в школу заставил пойти? Свинство, конечно, с моей стороны.

Дилси. Вы лучше занимайтесь своими делами, а ее не трогайте. Посидите здесь тихо, мирно, пока на стол накрою. (Роется в кладовке.)

Издалека слышится музыка.

Ластер. Мистер Джейсон, а артисты сегодня еще представляют?

Джейсон. Да. (Снова раскрывает газету.)

Ластер. Я так и думал, что это их оркестр играет. Если б только у меня было четверть доллара, я бы пошел на артистов.

Дилси. А если ты тебе крылья, то на небо полетел бы. Хватит, ни словечка мне больше про артистов.

Джейсон. Да, кстати. Мне тут дали два билета. Вот они.

Ластер. И вы пойдете?

Джейсон. Ни за что. Десять долларов приплатят и то не пойду.

Ластер. Дайте мне один, мистер Джейсон.

Джейсон. А ты купи у меня. Желаеть?

Ластер. У меня денег нету.

Джейсон. Жаль-жаль.

Ластер. Дайте мне один, мистер Джейсон. Вам же оба не нужны.

Дилси. Да, уймись ты, Ластер. Знаешь ведь, он даром ничего не дает.

Ластер. А сколько вы за него хотите?

Джейсон. Пять центов.

Ластер. У меня столько нету.

Джейсон. А сколько у тебя есть?

Ластер. Нисколько нету.

Джейсон. Ну что ж, пойду в столовую.

Ластер. Мистер Джейсон...

Дилси. Да замолчишь ты? Он же тебя нарочно дразнит. Ему самому нужны эти билеты. Идите себе, Джейсон, не мучьте его зря.

Джейсон. Они мне вовсе не нужны. Я, собственно, собирался их сжечь. Но если хочешь, за пятак уступлю один.

Ластер. Да у меня нету.

Джейсон. Ну что ж. (Зажигает спичку, поджигает билет и бросает его в урну.)

Дилси. Ох, Джейсон, и не стыдно вам?

Ластер. Мистер Джейсон. Пожалуйста, сэра. Я целый месяц буду вам шины каждый день накачивать.

Джейсон. Деньги на бочку. Всего за пятак уступаю.

Дилси. Молчи, Ластер. (Джейсону). Ну что же вы? Жгите второй.

Джейсон (машет билетом). Всего за пятак.

Дилси. Да кончайте. Нет у него пятака. Кидайте в огонь.

Джейсон. Ну, что же. Бросаю. (Сжигает второй билет.)

Ластер плачет.

Дилси. А еще взрослый человек, мужчина. Замолчи, Ластер. А то и Бенджи заплачет. Я у Фронни возьму для тебя четвертак, нынче вечером, и пойдешь. Ну, уймись. А вы, Джейсон, идите в столовую. Ну идите же, пока нового непотребства не выдумали. Раскуролесились сегодня.

Освещается столовая в доме Компсонов. Туда входят Джейсон, Бенджи и садятся за накрытый стол. Чуть позже входит мать и тоже садится за стол. Дилси всех обслуживает.

Джейсон. Приятно, матушка, что вы чувствуете себя в состоянии сойти к столу.

Мать. Я рада угодить тебе хоть этой малостью. Как бы плохо себя ни чувствовала. Я ведь знаю, что после целого дня труда человеку хочется поужинать в кругу семьи. Если б только вы с Квентиной были в лучших отношениях. Мне бы тогда легче было.

Джейсон. У нас с ней отношения нормальные. Кстати, где она? Я не против, пускай хоть весь день у себя дуется там запершись. Но завтракать, обедать и ужинать попрошу к столу. Я понимаю, что чересчур многого от нее требую, но такой порядок в моем доме. В вашем то есть.

Мать. Дом твой. Глава дома теперь ты ведь. Ну-ка, Дилси, позови Квентину.

Дилси (высунув голову в окно). Квентина, Квентина! Ужинать иди.

Квентина (Сверху) Сейчас. (Спускается со второго этажа и заходит в столовую.)

Дилси, звала меня ужинать?

Джейсон. Да. Садись (Сам накладывает ей еду на тарелку.)

Квентина садится за стол, придвигает тарелку.

Как там у тебя — хороший кусок мяса? Если нет, то я получше выберу. Я спрашиваю, хороший кусок мяса достался тебе?

Квентина. Что? Да, хороший.

Джейсон. Может, еще риса положить?

Квентина. Не надо.

Джейсон. А то добавлю.

Квентина. Нет, спасибо. (Ест и вдруг резко отодвигает тарелку.) Да не могу я с ним за одним столом сидеть. (Толкает локтем Бенджи.)

Бенджи. У-у-у-у-у.

Дилси. Успокойся, Бенджи (Гладит его по голове.)

Квентина. И обязательно ему надо эту грязную старую туфлю на стол класть. Как будто нельзя его кормить в кухне. С ним за столом сидеть — все равно, что со свиньей.

Джейсон. Не нравится, как мы едим, — не садись с нами.

Квентина. И не сяду.

Дилси. Ну не злись, голубка. (Гладит Бенджи по голове.) Он тебе не будет больше досаждать.

Квентина. Как же, не будет он. Все вы тут подсылаете его за мной шпионить. Ненавижу все здесь. Убегу отсюда.

Джейсон. Ты все убегаешь, убегаешь, однако каждый раз к обеду возвращаешься.

Квентина. А вот увидите.

Джейсон. Что ж, этим ты меня не удивишь. От таких, как ты и твоя мать можно ожидать чего угодно.

Квентина вскакивает и бросает салфетку на стол.

Дилси. Помолчите-ка, Джейсон. (Обнимает Квентину.) Садись, голубка. И не стыдно ему чужой виной тебе глаза колоть.

Квентина (оттолкнув Дилси). Бабушка! Бабушка!

Джейсон. Бабушка тут не при чем. Ты забыла, что я обещал сделать, если пять тебя увижу с этим типом из балагана? (Становится между матерью и Квентиной.) Может быть ты не расслышала?

Квентина. Расслышала. Что же вы не делаете?

Джейсон. Не беспокойся Сделаю. Пусть только бабушка уйдет.

Квентина. Зачем он так со мной, бабушка? Я же ничего ему не сделала. Почему он мне жить не дает?

Мать. Он тебе с младенчества взамен отца дан. Мы обе едим его хлеб. Он ли не вправе ждать от тебя послушания.

Квентина. Если он не хочет меня здесь, почему же не отпустит меня к маме...

Джейсон. Достаточно. Ни слова больше.

Квентина. Нет уж, послушайте. Если я плохая, то из-за вас одного. Вы во всем виноваты... Все что я сделаю, будет из-за вас. Запомните это. Вы меня довели. Лучше бы я умерла. Лучше б мы все умерли. (Убегает.)

Дилси. Пойдем, Бенджи. (Уводит его.)

Мать. Как это печально. Из всей семьи остались вы одни, и я так бы хотела, чтобы вы не ссорились. Может, не надо слишком ее опекать? По ее словам, сегодня один мальчик днем повез ее кататься, а ты за ней следом поехал.

Джейсон. Это каким же способом? Я ведь отдал на весь день машину.

Мать. Возможно ей показалось. Мне так хотелось, чтобы вы с ней были в хороших отношениях. Но ей передались все эти своевольные черты. И даже те, что были в характере Квентина. Я тогда еще подумала — зачем давать ей это имя, вдобавок ко всему, что и так унаследовано. Временами приходит на ум, что господь покарал меня ею за грехи Кэдди и Квентина. Оба они были с норовом. А только пытаюсь их обуздать, они тотчас к отцу под защиту. А когда начались ее беды, я так и подумала, что Квентин захочет перещеголять ее и в этом. Но как я могла предположить, что он таким эгоистом окажется... Мне и не снилось, что он...

Джейсон. Возможно, он знал, что ребенок будет девочкой. И что двух таких цац ему уже просто не выдержать.

Мать. А он мог бы наставить ее на хорошее. Он был, кажется, единственным, кто мог бы в какой-то мере на нее влиять. Но и в этом господь покарал меня.

Джейсон. Да-да. Какая жалость, что он утонул, а я остался. С ним бы вам совсем другое дело.

Мать. Ты говоришь это в упрек мне. Впрочем, я его заслуживаю.

Джейсон. Перестаньте об этом думать. Лучше запирайте понадежней Квентину. Как она? Сопrotивляется?

Мать. Нет. Я заставила ее осознать, что это делается для ее же блага, и что когда-нибудь она сама мне будет благодарна. Она берет к себе наверх учебники, я запираю ее на ключ, и она сидит учит уроки. У нее до одиннадцати часов иногда горит лампа.

Джейсон. А откуда вам известно, что она уроки учит?

Мать. Я уж не знаю, чем ей больше там одной заниматься. Книг ведь она не читает.

Джейсон. Это верно. Книг не читает. Идите отдыхать, матушка.

Мать. Сейчас пойду. (Достает связку ключей.)

Слышен плач Бенджи.

Джейсон. Опять завыл. По-моему, он не знает, ни зачем он ту девочку тогда, ни почему мистер Берджес доской от забора его успокоил. А если бы с хирургического стола его прямо, пока под наркозом, переправили в Джексон, то он даже не заметил бы и разницы — что ему там, что дома. Я так скажу, тем хирургам раньше бы начать и позже кончить.

Мать (печально). Ах. Джейсон.

Джейсон. Да, да. Где-то я читал, над певчими нарочно производят такую операцию, чтоб голос стал, как женский. И я знаю по крайней мере еще двух, кому бы заодно не мешало оформить в том же духе, причем одну их них недалеко искать.

Мать (неодобрительно). Ах, Джейсон.

Джейсон. Да, да. Хотя, по-моему, и это не поможет. Шлюхой родилась, шлюхой подохнет. (Открывает газету и вскакивает.)

Мать. Что случилось?

Джейсон. Мои акции опустились на два пункта.

Мать. А это много?

Джейсон. Достаточно. Нет вы мне дайте одни сутки, чтобы меня не обворовывали эти нью-йоркские обиралы. Дайте лишь только честный шанс сохранить свои деньги. А после чего можете вселять ко мне хоть все мемфисские бордели и сумасшедшие дома в придачу: парочка ложись в мою постель, третий, займи за столом мое место — милости прошу!

Мать. Ах, Джейсон. (Уходит.)

Сад перед домом Компсонов. Поздний вечер. В окнах горит свет. На скамейке сидят Бенджи и Дилси.

Бенджи. У-у-у-у-у.

Дилси. Ну-ну. Сейчас Ластер придет с представления и спать пойдем.

Джейсон (из окна). Эй, Дилси. Пусть будет тихо. Целый день гнешь горб, придешь с работы, а тут сумасшедший дом. (Убирает голову из окна и гасит свет в своей комнате.)

Дилси. Да, да. Тссс. Бенджи.

Бенджи замолкает.

Мать (из окна). Дилси, тебя не затруднит приготовить мне грелку?

Дилси. Обождите немного. Только вода нагреется, сразу же налью вашу грелку.

Мать. Спасибо. Но если тебя затруднит, я обойдусь и без грелки. Я просто хочу знать.

Дилси. Будет вам ваша грелка.

Мать. Хорошо. Квентина!

Квентина (в окно). Чего вам?

Мать. Покойной ночи.

Квентина. Покойной ночи. (Убирает голову из окна.)

Свет во всех окнах гаснет. Бенджи вдруг вскакивает и начинает громко плакать. Тут же в окне появляется голова Джейсона.

Джейсон. Дилси! Угони его, наконец. Ты что, не слышишь меня?

Дилси. Слышу, слышу. Тсс, Бенджи. (Гладит его по голове.) Когда вы дома, только вас одного и слышать. Если не Квентину пилите, то маму вашу, а не маму, так Ластера с Бенджи.

В окне снова появляется голова матери.

Хоть бы вы его усовестили, мис Кэлайн.

Мать. Молчи, Дилси. Не нам с тобой учить Джейсона. Временами мне думается, что он не прав, но и тогда ради всех вас я стараюсь выполнять его желания.

Джейсон. И это правильно. (Убирает голову из окна.)

Снова во всех окнах гаснет свет. Вбегает Ластер.

Дилси. Наконец-то явился.

Ластер. Ой, мэмм, такое было представление!

Дилси. Завтра расскажешь. А сейчас — спать!

Ластер. Ой, мэмм, такое представление...

Дилси. Спать!

Ластер. Ладно, пошли, Бенджи.

Дилси. И пусть только я услышу его плач. Своими руками выпорю.

В саду затемнение. Освещается комната Бенджи. Туда входят Бенджи и Ластер.

Ластер. Ну, давай штаны скидай. (Помогает Бенджи раздеться. Тот голый подходит к зеркалу и начинает скулить.)

Ластер. Тихо! Нету их у тебя, хоть смотри, хоть не смотри. Укатились. Перестань, а то не устроим больше именин. (Накидывает на Бенджи халат.) Лучше погляди сюда. (Подводит к окну Бенджи.)

Освещается часть сада. Из окна вылезает Квентина и по дереву спускается в сад. Там ее ждет артист.

Смотри, как она слазит. Только тихо.

Квентина и артист убегают.

А теперь в постель. Да поворачивайся ты! Ложись пока просят по-хорошему.

Сад перед домом Компсонов. Утро. Выбегает разъяренный Джейсон.

Джейсон. Ластер! Где ты, чертов сопляк? Ну погоди у меня.

Выходит мать.

Мать. Что случилось?

Джейсон. Полюбуйтесь. Мое окно разбито.

Мать. Действительно. Но каким образом? Мы никто к тебе не входили, разве что по воскресеньям для уборки.

Джейсон. Я вас кажется не обвиняю. А Квентина где?

Мать. Ты уж ее не тревожь, Джейсон. Она всю неделю к завтраку встает, а уж в воскресенье я разрешаю ей поспать подольше.

Джейсон. И целая кухня нигеров будет сидеть и ждать, чтоб ее обслужить. Ну нет. (Кричит.) Квентина! (Матери.) Надо за ней послать. Только кого? Первокласная у нас прислуга. Все словно попрятались.

Мать. Не сердись, Джейсон, но я разрешила им всем пойти сегодня в церковь.

Джейсон. Куда пойти? Разве этот чертов балаган еще в городе?

Мать. В церковь. У черномазых нынче пасхальная суббота. Я еще две недели назад дала Дилси разрешение.

Джейсон. Другими словами, обед сегодня будем есть холодный. Или вообще останемся без обеда.

Мать. Я знаю, что выхожу виноватой.

Джейсон. За что? Христа, как будто, не вы воскрешали. (Кричит.) Квентина! Не играй со мной в прятки. (Вбегает в дом, стучит кулаками в дверь.) Квентина! Открой! Квентина! (Матери.) Ключ у нее?

Мать. У меня ключ.

Джейсон (подбегает к матери). Давайте его сюда.

Мать. Боже, даже в воскресенье мне нет покоя.

Джейсон. Ключ! Дай же ключ, дура старая! (Выдергивает у матери ключи, снова вбегает в дом.)

Мать. Господи. как ты можешь так. Тебе без меня и не найти нужного ключа... Я никому не разрешаю брать мои ключи. (Плачет.)

Джейсон (из окна). Входите, любуйтесь. Ее нет.

Мать. Нет? Какой ужас. Джейсон, ищи записку. Квентин тоже перед этим оставил записку. Я знала, что это случится, с той минуты знала, как ей дали это имя. Господи, Джейсон, что ты делаешь?

Освещается гостиная. Там Джейсон выбрасывает из шкафов вещи на пол.

Зачем ты выкидываешь из стенного шкафа вещи? Поставь сейчас же обратно мои туфли и чемодан.

Джейсон. Любуйтесь. Взломана!

Мать. Откуда у тебя эта металлическая шкатулка? Что в ней было? Почему ты мне не отвечаешь?

Джейсон (по телефону). Ало, соедините меня с шерифом. Шериф? Говорит Джейсон Компсон. Да, да. Джейсон Компсон. Готовьте полицейскую машину, через десять минут едем с вами или с вашими помощниками. Я сейчас приеду... Что? Ограбление. В моем доме. Знаю кто... Ограбление, говорят вам. Машину готовьте... А за что вам платят? Готовьте машину, едем сейчас же в догон. В противном случае подаю губернатору жалобу. Да. Пропало три тысячи долларов, а моя племянница укатила из города вместе с одним из этих артистов... Не предположения. Знаю наверняка. Что сделаю с девочкой? Ничего. Ровно ничего. Я до нее пальцем не дотронусь. Дряни, которая стоила мне моей должности и тем лишила меня единственного шанса на успех в жизни, которая свела в могилу моего отца и день за днем сводит в могилу мою мать, а мое имя обратила в посмешище в городе, — я ей ничего не сделаю, ровным счетом ничего. Что? Я сам ее довел до побега? Как я веду мои семейные дела, вас не касается. Намерены вы мне помочь или нет?.. И это ваш окончательный ответ? Что? Они в Моттсоне гастрوليруют? Ладно. Еду в Моттсон. Без вас. Но вы еще пожалеете. Я найду

защиту. (Бросает трубку.) Нацепил бляху и думает, что на него уже управы нет. (Убегает.)

Церковь, заполненная прихожанами. Поет хор. Входят Дилси, Ластер и Бенджи.

Ластер. Зачем вы взяли Бенджи в церковь, мэммии? И так меж людей разговоры.

Дилси. Меж каких это людей?

Ластер. Да уж приходится выслушивать.

Дилси. Знаю я, какие это люди. Шваль белая, вот кто. Мол, для белой церкви — он нехорош, а негритянская — для него нехороша.

Ластер. Так ли, эдак ли, а люди говорят.

Дилси. А ты их ко мне посылай. Скажи им, что господа всемилостивому неважно, есть у него разум или нет. Это только для белой швали важно.

Звонит колокол. Входит проповедник.

Ластер. Кто это?

Дилси. Преподобный Шегог. Из Сент-Луиса.

Ластер. Какой-то он щупленький, А лицо, как у престарелой обезьяны.

Дилси. Тссс. Я видывала и почудней орудия божьи.

Шегог (с кафедры). Братья и сестры! Я, бедный грешник, вижу свет и вижу слово. Рассыпались в прах колесницы египетские, ушли поколения. Жил богач — где он теперь, о братья? Жил бедняк — где он теперь, о сестры? Говорю вам, братья, и говорю вам, сестры — придет срок для каждого. Скажет бедный грешник: допустите меня лечь у господина, дозвольте сложить мою ношу. Что же спросит Иисус тогда, о братья? О сестры? А жива в тебе, спросит тогда Иисус, память про божье ягня и про кровь его? Ибо негоже мне небеса отягощать сверх меры!

Прихожане. Да, Иисусе! Иисусе.

Шегог. Братья! Взгляните на малых детей, что сидят вон там. Когда-то и Иисус был, как они. Его мэммии знала материнскую радость и муку. Она, может, на руках усыпляла его вечерами, и ангелы пели ему колыбельную. И, может, выглянув из двери, видела она, как проходят полисмены-римляне. Внимайте же, братья! Я вижу тот день. Мария сидит на пороге, и на коленях у нее Иисус, младенец Иисус. И вижу лица солдат: «Мы несем смерть! Смерть! Смерть младенцу Иисусу!» Я слышу плач и стенанье бедной матери — у нее отымают спасение и слово божье!

Прихожане. О Иисусе! Младенче Иисусе!

Шегог. Братья и сестры! Я вижу! Вижу то, от чего вянет сердце и слепнут глаза! Вижу Голгофу и святые деревья крестов, слышу похвальбу и поношение: «Раз ты Иисус, чего же ты не сходишь с креста?» Слышу вопли женщин и стенания вечерние, слышу плач, и рыдания и отвращенное прочь лицо господина: «Они убили Иисуса, сына моего убили!»

Прихожане. О Иисусе!

Шегог. О слепой грешник! Братья, вам говорю, сестры, вам глаголю — отворотился господь лицом мощным и сказал: «Не отягощу небеса ими!» Вижу, как затворил осиротелый господь двери свои, вижу мрак и смерть вековечную на все поколения. Но что это?! Братья! Да, братья! Что вижу? Что вижу, О грешник? Я вижу воскресение и свет, вижу кроткого Иисуса, говорящего: «Меня убили, дабы вы воскресли; я принял смерть, чтобы те, кто видит и верит, жили бы вечно». Братья, о

братья. Я вижу час последнего суда, слышу золотые трубы, трубящие славу с небес, и вижу, как встают из мертвых, сберегшие память об агнце и пролитой крови его. Аминь. (Благословляет паству и уходит.)

Прихожане расходятся.

Дилси (сквозь слезы). Вот это, я понимаю, проповедник! Спервоначала — сморчок сморчком, а после держись только.

Ластер. Вы бы перестали плакать, мэмми. Народ кругом. Увидят. А мимо белых пойдем...

Дилси. Ты на меня уж не гляди. Я видела начало и вижу конец.

Ластер. Какое начало? Какой конец?

Дилси. Видела начало и вижу конец.

Сад перед домом Компсонов. На скамейке сидит мать, уставившись в одну точку. Из дома выходит Дилси.

Мать. Дилси?

Дилси. Это я. Вам не надо ли чего?

Мать. Ты нашла уже?

Дилси. Что нашла? Вы об чем это?

Мать. Записку. Хоть на записку-то, надеюсь, у нее хватило уважения. Даже Квентин, и тот оставил после себя записку.

Дилси. Что вы такое говорите? Как будто с мисс Квентиной может что случиться. Вот увидите, еще до вечера войдет прямо вот в эту дверь.

Мать. Нет уж. Это в крови у нее. Каков дядя, такова и племянница. Или какова мать... Не знаю, какой исход хуже. Не все ли равно.

Дилси. Да чего вы говорите такое? Да зачем она станет это делать?

Мать. Не знаю. А Квентин, а он зачем сделал? Зачем, ответь ты мне ради всего святого. Ведь не может же быть, чтобы с единственной только целью поступить назло и в пику мне. Кто б ни был бог, а уж такого надругательства над благородной дамой он не допустил бы. А я ведь благородная. Хотя, глядя на моих детей, и не подумаешь.

Дилси. Вот подождите и увидите. Прямо в постельку к себе и воротится к ночи. А вы идите к себе, я принесу вашу грелку.

Мать. Не надо грелки. Принеси мне библию.

Дилси. Идите наверх, а я принесу вашу библию и положу в изголовье вашей постели.

Мать. Но сначала займись обедом для Джейсона.

Дилси. Джейсона еще нету.

Мать. Все равно займись.

Дилси. Ладно, ладно. Идите к себе.

Мать уходит.

Дилси (кричит). Ластер!

Прибегает Ластер.

Ластер. Да, мэм.

Дилси. Ты чего это затеял?

Ластер. Ничего.

Дилси. Что ты затеял — не знаю, но не смей этого делать. Ну-ка. Что опять у тебя на уме?

Ластер. Ничего.

Дилси. А окно Джейсона ты разбил?

Ластер. Нет, мэм.

Дилси. Только не лги мне, парень.

Ластер. Да не разбивал я. Спросите хоть у Бенджи. Не видал я окон что ли.

Дилси. Ладно. Ступай, займись Бенджи.

Ластер. Да он здесь.

Появляется Бенджи. Ластер дает ему цветок. Тот с ним играет.

Мэмми, а что у них там? Джейсон мис Квентину побил, да?

Дилси. Помалкивай знай. Только разбудоражь мне Бенджи, я тебя самого побью.

Ластер. А спорим. Спорим он побил ее. Дал по голове и теперь за доктором поехал. На что хочешь поспорю.

Бен мычит.

Дилси. Тш-ш, Бенджи. Сейчас пойдете с Ластером на волю, в игры играть.

Ластер. А спорим, ее с вечера дома нету?

Дилси. Ты откуда знаешь, что нету?

Ластер. Мы с Бенджи видели, как она вчера вечером из окна спускалась. Правда, Бенджи?

Дилси. Видели?

Ластер. Да она каждый вечер прямо по той груше и слазит.

Дилси. Не врал бы ты мне, парень.

Ластер. Я не вру. Спросите хоть у Бенджи.

Дилси. Тогда почему же ты молчал?

Ластер. А оно не мое дело. Дурак я, что ли, мешаться к белым в дела ихние? Чокнутый они народ. А хорошо, что я не Компсон.

Дилси. Тебя послушать только. А я тебе, парень скажу, что в тебе сидит компсоновский бес не хуже, чем в любом из них. Правду говори: разбил окно?

Ластер. Да нет же, мэм.

Бенджи плачет.

Что это с ним?

Дилси. Чует он. Потому плачет.

Ластер. Чует — а что чует, мэмми?

Дилси. В свое время узнаем, Ластер.

Бенджи плачет громче.

А может ты, Ластер, кучера разыщешь?

Ластер. Он в город уехал, к вечеру вернется.

Дилси. Долго ждать, о господи. Ох, долго.

Ластер. Я же умею править, мэмми.

Дилси. Ты широбан перевернешь. Заозоруюшь, и оба расшибетесь насмерть. Ты сумел б, я знаю. Но тебе нельзя доверять.

Ластер. Что вы, мэм. Мне же кучер дает править.

Дилси (Бенджи). Не плачь же, голубок. Ластер, голубчик, будешь помнить про старую мэмми, не будешь озоровать?

Ластер. Да, мэм. Я буду точка в точку, как наш кучер.

Дилси. А дорогу ты знаешь? Улицей на площадь, оттуда до кладбища и обратно домой.

Ластер (радостно). Да, мэ.м.

Дилси. Но если, парень, расшибешь мне Бенджи, то не знаю, что я тебе сделаю. Кандальной команды тебе так и так не миновать, но ты у меня раньше всякого срока туда угодишь.

Ластер. Да, мэ.м. Пойду запрягу Квини.

Дилси. Иди.

Слышен шум подъехавшего авто.

Постой.

Входит Джейсон. Он сильно хромает. На лице синяки.

Дилси. Господи, Джейсон. Кто вас так?

Джейсон. Кто? Один мерзкий старикашка. Повар в этом чертовом балагане. Ни с того, ни с сего кинулся на меня с резаком.

Дилси. Он вас не ранил, этот старикашка? Крови нет?

Джейсон. Кровь была бы, если б не подоспел хозяин труппы.

Дилси. А Квентину вы нашли?

Джейсон. Нет. Хозяин труппы сказал, что она хотела остаться у них в балагане. но он не разрешил. Прогнал вместе с тем пижоном в красном галстуке ко всем чертям. И ни слова больше об этом.

Дилси. Но...

Джейсон. Я сказал, ни слова.

Ластер. Пошли. Бенджи.

Джейсон. Ты куда его тащишь, Ластер? На свалку?

Ластер. Ага. На ту самую, куда и вас свалят.

Джейсон. Что? Молчать! (Бьет Ластера.) И если еще раз сунешься с ним за ворота — убью.

Бенджи громко плачет.

Джейсон. Уймите его. Черты бы вас побрал! (Уходит в дом.)

Бенджи плачет еще громче.

Мать (из окна). Дилси! Неужели это нельзя прекратить. У меня так болит голова.

Дилси. Сейчас, сейчас, мис Кэлайн.

Мать убирает голову из окна.

Тшш-ш, Бенджи, не плачь. Эй, Ластер, беги за туфелькой. Уж это-то, я думаю, ты сможешь сделать. Да захвати шапку для Бенджи. На дворе холодно.

Ластер убегает.

Не плачь, Бенджи. Господь мне свидетель. Я делаю все, что могу. Сейчас Ластер вернется, и пойдете с ним на волю, в игры играть.

Бенджи плачет. Возвращается Ластер.

Принес?

Ластер. Вот она. (Показывает туфельку.)

Дилси вкладывает туфельку в руки Бенджи и одевает на него смешную старую шапку. Тот замолкает.

Дилси. Вот так. (Поправляет на Бенджи шапку.) За твоей шапкой в дом ходить, тревожить матушку не будем. Одежки что, одежки — полгоря, а знали бы люди все наше горе...Для божьего дитя в одежках нет зазору... А скоро и меня бог к себе приберет, и то пора. Вот так.

Ластер. Смотрите, мэ.мми, молчит.

Дилси. Да. Успокоился, слава Богу.

Ластер. А все-таки странно, что туфелька мис Кэдди на него так действует.

Дилси. Ничего не странно. Просто он взял в руки туфельку, и для него все вокруг опять стало на место.

Ластер. Как это на место, мэмми?

Дилси. А так. Фасад, окна, двери, карнизы, деревья и все остальное в его глазах сейчас снова на своих назначенных местах.

Мощицкий Игорь Иосифович

Домашний телефон: (812) 695 03 76

Мобильный телефон: 8 962 699 8456

E – mail: Minster22@yandex.ru